

КУРИНАЯ СЛЕПОТА

Пьеса в двух действиях.

г. Екатеринбург
1996 год

Действующие лица:

Лариса - 45 лет
Дмитрий - 45 лет
Наталья, его соседка - 45 лет
Зорро, её муж - 45 лет
Анатолий, их сын - 18 лет
Отец
Две сестры-еврейки
Мужчина с помойным ведром
Негр
Санитар

Небольшой город в восьми часах езды от Москвы. Наши дни.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ВЕЧЕР

Середина сентября. Двухкомнатная “хрущёвка” Дмитрия Школьниковца, или “Мити-Школьника”, как зовут его все.

В комнатах почти ничего нет: в маленькой комнате - шкаф и куча жёлтых осенних листьев на полу. В большой: диван, на нём матрас, прикрытый серой тряпкой, рядом с диваном на тумбочке чёрно-белый телевизор. Тут же стоит старая, пятидесятих годов, “горка” с книгами на полках вместо посуды. На потолке дешёвенькая трех рожковая, с одной работающей лампочкой, люстра. Под люстрой - полированный стол. Три разномастных стула по стенам стоят. Ножки у стульев разъезжаются и, если сесть, то стул совсем может развалиться, надо ногами упираться. На той стене справа, что между двумя комнатами - большая трещина. Она стекает от потолка к полу - будто профиль чей-то нарисован.

В большой комнате балкон. Кухня тоже голая: шкафчик, стол, три табуретки. И здесь в углу листья лежат, прикрытые тряпкой. Вся квартира будто нежилое, сдаваемое в наём, помещение.

Самое интересное за окном, за стенами - как картина, декорация в окне нарисована: далеко-далеко церковь видна, ближе новостройка - кран движется, ещё ближе - дома шлакоблочные, зажавшие между собой трамвайную конечную остановку - “кольцо”, рельсы и навесик с киосчком у остановки. Трамвайные рельсы положены прямо у дома, почти у стен его, даже деревца нету у балкона, у окна, и каждые пять минут крыша трамвая и штанга, прикасающаяся к проводам, с грохотом катит мимо, искры сыпятся, так что кажется, что сейчас в квартире начнётся пожар или что трамвай въедет прямо в комнату.

На окнах первых этажей решётки в виде солнца, в виде символики московской олимпиады, ещё решётки с бутонами и цветами, зайцами и медведями. У всех подъездов лежат большие шины от автомобилей, в которых догорают последние осенние цветы - ноготки и астры.

За трамвайными путями, в доме напротив - молочный магазин. И днём и ночью горит в надписи "Молоко" вторая "о", мигает, жужжит странно. Правда, днём не слышно, а ночью, когда тихо становится, совсем невольно от этого надоедливого потрескивания. У магазина стоят огромные старые тополя, штук пять, листья с них осыпались на асфальт. Листья лежат со всех сторон дома - кучами, дворники их не убирают: будто кто дом поджечь собрался, всё приготовил и только спичкой чиркнуть осталось.

Слева кран: хочет разбить окна и заехать в квартиру всем тем, что поднимает-опускает.

За стенкой справа воеет собака. Сверху громко кричит телевизор.

В квартире у стола (стоит, не садится) ЛАРИСА. Она в чёрной шляпке, в чёрном пальто, чёрных очках, с саквояжем, в сиреневой вуали, на ногах туфли - "шпильки". Лариса плачет, маленьким платочком слёзы вытирает. На стульях у стены с трещиной сидят НАТАЛЬЯ и МИТЯ. Ноги широко расставили, уперлись в пол, чтобы не упасть. ОТЕЦ сидит на диване, низко опустив голову. У двери в коридор стоят две СЕСТРЫ-ЕВРЕЙКИ, старухи-близняшки. Руки одинаково на животе сложили, в одинаковых платочках, в одинаковых зеленого цвета пальто. У обоих чёрные усы. За окном кран грохочет, колокол в церкви звенит, трамваи проезжают.

НАТАЛЬЯ. (Негромко.) Дура, съела этот пирог зачем-то, он у меня колом типа того что в горле стоит. (Кашляет.)

ЛАРИСА. Какой разврат, какое распутство.

НАТАЛЬЯ. Ни вздохнуть, ни выдохнуть от этого пирога. И под "мостами" кусок пирога застрял, "мосты" менять надо.

ЛАРИСА. Какое распутство, какой разврат.

НАТАЛЬЯ. (Громче.) Я говорю: зачем я, дура, этот пирог съела, он у меня колом в горле стоит, говорю. (Сёстрам.) А ты мне, Сара, типа того что: "Ешь да ешь". Вот и застрял. Говорила тебе - не надо, а ты - нет. "Мосты" менять надо.

ЛАРИСА. Какие мосты? Кому?

НАТАЛЬЯ. Да вон, Саре и Двойре, у них поминки. Вот с пирогами и ходят по дому. А "мосты" вот эти вот. (Залезла пальцем в рот, другой рукой оттянула щёку, показывает Ларисе, говорит с трудом:) Вы-ды-тэ?

ЛАРИСА. Разврат, распутство. Сара и Двойра. Распутство, разврат.

НАТАЛЬЯ. Я спокойна, другой раз. Я верю в переселение душ. Я была в окружении Петра Лещенко. (Без паузы.) Как? Вы не знаете Петра Лещенко? Ну вот, здарсьте, другой раз.

ЛАРИСА. Кого?

НАТАЛЬЯ. (Быстро.) Лещенко. Петра. Я даже его не знала, недавно услышала первый раз и как давай плакать, как давай, как давай, ой, горе, так плакала сильно, как тогда, когда маму хоронила. И чего плачу? И каждый раз плачу, как его слышу. Я даже думала, что я - не я, а я - его душа, в общем-то. Но узнала: он умер в июне, а я родилась в апреле. Не сходится. Жалко. И мне пить нельзя категорически. Лещенко ведь был связан типа того что с ресторанами, а я была в его окружении и это значит - поняли, да? То есть, я могу спиться, если начну пить. То есть, нет - я типа того что выпила свою цистерну в прошлой жизни. Поняли?

ЛАРИСА. Нет.

НАТАЛЬЯ. Ну, просто я заметила, что мне нравится выпивать. Зараза, застрял пирог в глотке и всё. И под зубами что-то мешает, жмёт и жмёт. Мне вот Только - жалко. Мне сказали, что он, мол, появился в последний раз. На землю, то есть.

ЛАРИСА. Кто это - Толька? *(Смотрит на трещину на стене.)*

НАТАЛЬЯ. Толька - мой сын.

ЛАРИСА. То есть, его зовут Анатолий? Толей?

НАТАЛЬЯ. Ну, а я что сказала? Толька, да. А что такое?

ЛАРИСА. Так. Странно.

НАТАЛЬЯ. Это вот - Сара и Двойра. *(Сёстры кивают головами.)* Это вот Митька. Молчун наш. “Школьников” фамилия, но раз у него такая трагедь в школе ещё произошла, то и зовут “Митя Школьник”. Нет, он нормальный, у него почти все дома. Его дразнили: “Дмитрий-хитрый - насрал в штаны, а говорит, что заржавело!” *(Долго хохочет.)* Я его в детстве так дразнила. Это - папаша ваш. Я - Наталья. Алексеевна. Вот - вся картина. Всё окружение Лещенко, типа того что. Не к слову чего-то сказала, не то. А Толька, да, помрёт. Восемнадцать, а помрёт. И к ворожее ходить не надо. Он смерти ищет. Через люки открытые на улице другой раз перешагивает. Нет, чтобы отойти в сторону, обойти, нет, возьмёт и перешагнёт. *(Заплакала.)* Придёт домой другой раз, скажет - скучно мне. А чего скучно? Не знаю. *(Хохочет.)* Типа того что, мол, всегда скучно ему. Умрёт. Ну, пусть.

ЛАРИСА. Кто?

НАТАЛЬЯ. Да сын мой, сын. Толька. Это сёстры-еврейки Сара и Двойра. А это - Митя. А это - папаша ваш.

ЛАРИСА. Кто эти женщины?

НАТАЛЬЯ. Я ж говорю: сёстры-близняшки. Евреечки. Мама померла у них. Хорошие другой раз, добрые, молчат всё время и ходят ручка об ручку. Только вот пирог заставили съесть.

ЛАРИСА. Они тоже в этой квартире живут?

НАТАЛЬЯ. Как они тут жить будут? Они ведь еврейки. Близняшки. Старухи.

ЛАРИСА. У них усы.

НАТАЛЬЯ. Правда? Вроде, да, есть. Они евреечки. Интернационал у нас в доме тут. Сёстры-близняшки. Они патронажными сёстрами работают в больнице, ходят по городу, по квартирам, заставляют сифилитиков лечиться, ну, кто скрывается, не хочет, типа того что. Им адреса дают в больнице и они ходят. Так вот, за ручку по сифилитикам ходят. Они с прибабахом обе. Сейчас вот мама у них померла, так давай собираться в Израиль. Ждали, когда она помрёт. Сами уж старухи. Я им: кому вы там нужны в Израиле, дуры, типа того что. Там своих евреев-дураков полно. Там люди сифилисом не болеют, что вы там делать-то будете. Евреечки. Сара и Двойра. Подружки мне. Дуры-дурами. Евреечки.

ЛАРИСА. Что вы как попугай одно и то же?

НАТАЛЬЯ. Чтоб вы поняли.

ЛАРИСА. Поняли, дорогая, поняли, поняли. *(Рыдает.)* “Типа того что, типа того что, другой раз, другой раз”. Мозгами брякает, брякает. Слова-паразиты, Наталья Алексеевна. И не надо передо мной интересничать, мозги запудривать, выдумывать нечто. Я психолог, актриса. Я всё поняла сразу и про вас, и про эту жизнь.

НАТАЛЬЯ. Я разве что-то не то сказала? Кто паразиты? *(Пауза.)* Да, переселение душ. Так что и ваша мамочка тут где-то, я верю. У меня книжек по этой тематике достаточно, дам почитать вам на вашем досуге если. *(Пауза.)*

Лариса сняла пальто и оказалась в каком-то чёрном платье с ворсом. Она словно превратилась в щуплого, но мохнатого зверька. Шляпку не снимает.

ЛАРИСА. Пару концертов и на вырученное проведу эксгумацию. Да, да, да.

НАТАЛЬЯ. А?

ЛАРИСА. Вы бы шли домой, по домам, милочка Наталья Алексеевна, и сёстры евреечки ваши с усами идите к своим сифилитикам, я с ним сама поговорю. Мне надо

принимать решение, не буду же я стоять, слушать про ваш застрявший в горле пирог весь день. *(Сняла очки.)* Я поговорю с ним сама.

НАТАЛЬЯ. С кем?

ЛАРИСА. Ну, с этим человеком, который... приютил. *(Тычет пальцем в Митю.)*

НАТАЛЬЯ. Он немой. Вам переводить надо, как без меня? А папаша вас не узнал.

ЛАРИСА. Ну, всё равно же мне надо что-то делать. *(Снимает перчатки.)* У меня все бока болят. Восемь часов от Москвы, а самолёты не летают. Так далеко, в смысле, а не летают. Хотя мне сто километров от Москвы - уже провинция. Не мне одной, впрочем, всей Москве так. Мало того - поезда только плацкартные, нет купе. Безобразие. Распутство, разврат. СВ тоже нет. Даже нет купе! Как я ехала в этой грязи. Я забыла уже, что такое плацкарт. Надела чёрные очки, чтоб, не дай Бог, не узнали, легла на вторую полку, грязные носки везде торчат, воняют, блевотные туалеты, какие-то дикие супермаркеты на остановках: татарки или еврейки, грязные бабы с усами такие же вот, пирожки, картошку, курочек предлагают - жуть, что предлагают, и всё грязными руками. Мне надо ванную, кофе. О, горе. В вагоне дают простынь, но её, простынь, всё равно что на грязную лужу сверху положить, простынь белую. Какая белая - серая и сырая. Положить и лечь на неё в эту грязь. О, Россия, о, моя Родина, порвалась связь времён, куда же ты катишься, куда же ты едешь? *(Пауза.)* Там на диване, на этом пледе - какие-то специфические пятна. Даже страшно становится.

НАТАЛЬЯ. *(Смотрит на диван.)* На накидушке? Какие там пятна? Не поняла?

ЛАРИСА. *(Кричит.)* Спе-ци-фи-чес-ки-е! *(Быстро ходит по комнате.)* Специфические пятна, чтоб вы поняли, поняли, поняли! И чем набит тот матрас? Листьями? Вы с ума сошли? На дворе конец двадцатого века, а они набили листьями матрас! Нам нужно немедленно в отель, но я боюсь выйти на улицу, поклонники бросятся на меня и снова будут просить автографы. Ужасно, отвратительно, разврат, распутство. *(Вдруг кинулась на колени перед отцом, взяла его руки в свои, трясёт их.)* Папа! Папочка! Это я, твоя доченька! Папочка?! А наша мамочка умерла, бедненькая, папочка! Это я, знаменитая актриса Лариса Боровицкая, твоя дочь, ну?! *(Пауза.)* Он такой грязный, на себя не похож, будто не он. Вы почему ему не постираете?

НАТАЛЬЯ. А воды всё лето горячей не было. А как дали - некогда типа того что.

ЛАРИСА. Это что же - он всё лето вот так? Бессовестные. Мы сейчас поедem в отель. Есть тут у вас поблизости?

НАТАЛЬЯ. Чего есть?

ЛАРИСА. *(кричит.)* Отель, отель, отель, милочка, знаете вы такое слово, нет?!

Ходила по комнате и с размаху села на свободный стул. Ножки у стула разъехались, Лариса упала на пол. Наталья, сёстры и Митя кинулись к ней, схватили за ноги, за руки хотят поднять, тянут в разные стороны, Лариса отбивается от них, визжит. Встала, отряхивается, одёргивает платье. Отец незаметно вышмыгнул в дверь, вышел на улицу.

Да что такое, я третий стул меняю сегодня, вы что их не сделаете, безобразие????!!

НАТАЛЬЯ. *(Сколачивает руками стул, ставит его на прежнее место.)* Надо к стенке прислонять, ногами упираться, он прислонютый, прислонённый был бы и тогда...

ЛАРИСА. Прислонютый, прислонённый, кошмар, кошмар, кошмар, кошмар, милочка, Наталья Алексеевна, русский народ!!!!!! *(Быстро ходит по комнате, дёргает пальцы так, что они хрустят.)*

НАТАЛЬЯ. А при чём тут типа того, что, мол, русский народ, если стул упал?

ЛАРИСА. Да, впереди эксгумация, вы не знаете, чего мне это стоить будет! Нет, не в денежном плане, а в духовном, духовном, духовном!

Пальцем в окно почему-то указала, на едва виднеющуюся верхушку церкви. И будто по сигналу в церкви снова нудно зазвонил, завёлся колокол. Все слушают его. Молчат.

НАТАЛЬЯ. Я знаю. В духовном. Типа того что. *(Улыбается.)*

ЛАРИСА. Что? Что вы знаете? Бедная мамочка. Эксгумация - это ужасно, это - больно. Я видела в каком-то фильме про войну, эти кости, эти истлевшие гробы - ужасно. *(Вертит головой по сторонам.)* Мне надо успокоиться. Я впечатлительный человек, как все люди искусства, а я сама себя завожу, зачем - не надо, Ларочка, всё будет хорошо. Беды от високосного года. Когда он кончится? У меня завтра сорок дней, как умер Анатолий. Погиб. Мой друг. *(Молчит.)* Надо было взять Алекса с собой, он бы быстро организовал билеты, коробку с фильмом - где тут... Поди достань тут кино это, черт.

Села на стул, уперлась ногами в пол, как Наталья, смотрит на балкон.

Пожалуйста, не шмыгайте так носом, меня это злит, раздражает.

НАТАЛЬЯ. А я всегда. У меня хронический гейморит. А как заплачу другой раз - вообще льётся, льётся из дырок. Гейморит, прокалывание надо, а не хочу, вредно.

ЛАРИСА. Гайморит, милочка, гайморит. Не "гей", а "гай". Господи, Господи!

НАТАЛЬЯ. Ну, гой, гай, гей. Плачу и потому бежит. А ещё пирог в горле застрял.

ЛАРИСА. Ну, плачьте, ради Бога, только вот возьмите платок, а не руками.

НАТАЛЬЯ. Я не руками, а пальцами типа того что.

ЛАРИСА. Да что вы мне наперекор говорите, возражаете? Молчите, прошу. Вы не видите, в каком я состоянии? Нет?! *(Пауза.)* Что это тут на стене? Это рисунок?

НАТАЛЬЯ. Трещина. Старый дом, рушится. Трамвай катает ещё - и трещина.

ЛАРИСА. Будто рисунок. Профиль. Аборигены. Наскальная живопись. Пирамиды Хеопса. *(На улице кричит сова, Лариса вздрагивает.)* Это что? Что было?

НАТАЛЬЯ. К Люське любовник пришёл. Он её для юмора совой вызывает.

ЛАРИСА. Совой?

НАТАЛЬЯ. Чтоб подъезд ему открыла. У нас на замках подъезды, воров боимся. Что ж вы такая сердитая, я - боюсь сказать чего не попад типа того что...

ЛАРИСА. *(Бормочет.)* Питекантропы. Другой век. О, Россия. О, моя родина. Совы. Проснись, Россия, очнись, взбодрись. Мозгами тут брякаете и брякаете. Какой разврат, какое распутство. Прилипло вот: разврат, распутство!!! *(Оглядывается, ищет отца. Испуганно:)* А где папа? Марево, туман, отец, папуля, сидел и - нету?

НАТАЛЬЯ. А вон он. Уже на улке. Напротив. Во-о-он, поглядите туда.

ЛАРИСА. Где напротив? Где на улке?

НАТАЛЬЯ. Да у молочного вон. Он всегда там сидит.

Все идут в ногу к балкону, встали, смотрят на улицу.

Как Митька их подобрал на вокзале, так он сразу стал ходить туда сидеть, а мамаша ваша тут, на стульчике, на него смотрела сквозь стекло, аж прямо жалко их обоих, не знаю, что они были за люди, то ли они, правда, типа того что любили друг друга, что им надо было друг на дружку смотреть всё время. Хотя старики. Я думаю: с ума сошли оба просто и сразу вместе.

ЛАРИСА. *(Растерянно.)* Да как же это... Как же это...

НАТАЛЬЯ. Он сядет там, будто греется на солнце, а ему все дают другой раз, а он возьмёт так гордо, вечером принесет, бросит на стол, а Митька пожрать купит. Они тут типа того что с месяц жили, я и не знала: Митька немой, ваши молчком.

ЛАРИСА. Заберите, невыносимо, я с ним к врачам за границу, невыносимо!!!!

НАТАЛЬЯ. Забрать? Да он посидит дома и уйдёт. Что ж, не в себе раз. Мы же его оттуда забрали, когда вы типа того что приехали вот сегодня.

МОЛЧАНИЕ.

ЛАРИСА. Кто-то подошёл? У меня куриная слепота, я к вечеру хуже вижу.

НАТАЛЬЯ. *(Смотрит в окно.)* Это?

ЛАРИСА. Ну да, да, это, это?!

НАТАЛЬЯ. *(Молчит.)* Негр, типа того что.

ЛАРИСА. Что он делает?

НАТАЛЬЯ. Негр? Да денег даёт ему, наверное. Ну да. Дал и пошёл.

ЛАРИСА. Куда?

НАТАЛЬЯ. В магазин, типа того что.

ЛАРИСА. Зачем?

НАТАЛЬЯ. За молоком, знать-то.

ЛАРИСА. Я говорю - зачем он денег ему дал, “знать-то, знать-то, знать-то”?!

НАТАЛЬЯ. Ну раз он просит, дак и дал.

ЛАРИСА. Я говорю - откуда у вас тут негры?!

НАТАЛЬЯ. Бывает. Хотя правда, откуда? Не знаю. Это переселение душ. Вот.

МОЛЧАНИЕ.

ЛАРИСА. Негритос, негритос, он вчера упал с колёс. Чёрный негр пьёт белое молоко. Белое молоко - чёрный негр. Негритос-море слёз. Нет, это не негр. Не негр.

НАТАЛЬЯ. Да негр, я видела.

ЛАРИСА. Не негр. Не негр, милочка! Не негр.

Посмотрела внимательно на Наталью. Ходит по комнате. Достала из сумочки помаду, красит губы, обликает себя духами. Сёстры наблюдают за Ларисой, глазами провожают.

Да, да, эксгумация. Вам всем я оплачу расходы, все старания, ваши страдания. Почему тут лежат листья? Они спят на них? Тихо, не отвечайте, я поняла, а то я вообще умру сегодня от всего. О, мама, о, папа, папочка, мои родные, милые! Нет, тут не в маме с папой дело. Дело в России. Во всей России. Ей надо сказать: проснись, очнись, пробудись, бессовестная, взгляни на себя. Россия - родина слонов, понимаете? Катастрофа с русским народом, зомбирование, пентаграммы кругом сплошные. А вы всё мозгами брякаете ни о чём.

Подошла к Мите, ткнула ему в живот пальцем, тот, глупо улыбаясь, смотрит на Ларису.

Эй, вы. Я вам заплачу. Алекс привезёт деньги. Слышите? Одеревенел. И не смотрите так, я поняла, что вы меня узнали, я дам вам автограф. Потом в Лондон, нет, в Рим - к врачам. Что? Да, шляпка от Сен-Лорана. Платье от Зайцева. Что? *(Пауза.)* Зачем тут телефон? Он работает? Зачем телефон, если он немой?

НАТАЛЬЯ. Он инвалид. Он инвалид после того, как папу убил. Ему без очереди.

ЛАРИСА. Кто убил? *(Набирает номер телефона.)* Что? Кто? Я позвоню в Москву, я оплачу всё, всё. Кто убил? Я заплачу, не смотрите так.

НАТАЛЬЯ. Это всё от переселения душ. Эта квартира порченная. Тут жили сначала трое - мать, отец, сын. Сын взял, застрелился, а мать с отцом тут, в проёме в коридоре типа того что повесились оба. С горя. Это давно было. Квартира тринадцатый номер. Ну, что сделаешь, не оставишь ведь её, квартиру, пустую, вот и жили тут Митя с отцом. Он с бабушкой жил и с матерью сначала, потом мать током убило, в сараюшке цыплята были, она лампу там поправляла и током. *(Заплакала.)* А потом такое с папой случилось от переселения душ. Пил отец, бил его, он рос, типа того что злобу копил. Ну и вот. Он в той комнате его, ножиком. Семнадцать лет как раз. А я была молоденькая девушка, мы с ним это - понимаете, да? *(Смеётся.)* Дружила. Зорро не говорите. Ревнует. Девочкам, Саре и Двойре, можно слушать, они не расскажут. Митю в колонию, в детскую сперва, таскали, таскали, отсидел сколько-то там, семь или десять, типа того что, лет. Он психический стал, нездоровый, его даже насильничали в тюрьме там эти гады, он не мужчина уже, у него

справка есть. Я его люблю за то, что молодость вспоминаю, как на него погляжу, как мы дружили, когда он здоровый был. Да и Толя-то мой - ну, понимаете, нет?

ЛАРИСА. Нет.

НАТАЛЬЯ. Потом расскажу. Так вот. Да. *(Пауза.)* Всё бы не так, знать-то, склалось, если бы не папа его, если бы не водка эта. А бабушка его из тюрьмы дождалась и померла. А я другого нашла, как его в тюрьму. Быстро довольно-таки, к счастью. Зорро его зовут. Зорро. Посмотрела вокруг, увидела Зорру, он не кривой, не раненый, с руками-ногами, ну, думаю - выйду за него.

ЛАРИСА. *(Держит трубку у уха, смотрит поражённо на Наталью, на Митю.)* Кого насильничали? Кого, кто, какое Зорро? Что вы мозгами тут брякаете?

НАТАЛЬЯ. Муж, муж мой, Зорро. Так его зовут. Вообще - Петя. Явится сейчас, увидите, он улицы штанами подметает, работать не любит, а пить - в три горла.

ЛАРИСА. Ничего не понимаю. *(В трубку.)* Алекс?! Соединилось! Как там Москва? Я не кричу, плохо слышно! Я здесь! Не нервничай! Тут мой отец, Алекс! Тут еврейки с усами стоят! Вся синагога собралась! Отец, да! Он, да! Ушёл из дома. Лев Толстой, ети его мать! Я не вру! Вместе ушли! Мама месяц назад умерла, жили у какого-то человека и вообще это всё - кошмар, сон! Алекс, завтра сорок дней, как Толи не стало, а я тут! Надо какой-то обед заказать где-нибудь! Ты слышишь меня? Разве не завтра сорок? Сегодня, я помню! Алекс, помоги, у меня никого нет! Будто каток меня переехал! Тут убийцы, убитые, повешенные, негры, тут ходят негры! Я здорова, у меня всё пойдёт теперь, только разберусь тут. Таблетки? Я здорова! Мне не надо в больницу! Нет, не придумала! Вот люди стоят, они подтвердят, что я тут! Еврейки, подтвердите, ну?! *(Сёстры кивают головами.)* Что? Отец просит милостыню, подавание на улице! Отец великой Ларисы Боровицкой просит милостыню! Не пафос! Он у молочного. Ему негры подают. У обоих с мамой массовый психоз был. Меня не узнаёт. Приезжай, привези с собой коробку с фильмом, я концерт дам, буду в клубе, в доме культуры, или где, заработать на эксгумацию! Приезжай! Рано? Тут вечер! Разница во времени! Перезванивай! Телефон? *(Наталье.)* Номер телефона?!

НАТАЛЬЯ. 4-12-57.

ЛАРИСА. 4-12-57. Пятизначный, это не Москва! Город? Это какой город? *(В стенку стучат, Лариса испуганно кинула трубку, отпрыгнула в сторону.)* Кто это? Что это?

НАТАЛЬЯ. А это - параллельный. Хоть инвалид, а на блокираторе.

ЛАРИСА. Кто инвалид?

НАТАЛЬЯ. Митька - инвалид.

ЛАРИСА. *(Молчит.)* Какой инвалид? О, Россия, о моя Родина. О чём ты брякаешь мозгами, Россия? Ни о чём. О, русские люди. Проснитесь, очнитесь, встаньте. *(Пауза, тихо.)* Он убийца, вы же сами только что говорили?!

НАТАЛЬЯ. Убийца? Митька? Да ну. Просто несчастный. А кто счастливый? Да потом всё равно помирать надо, ну, типа того что - переселяться в другое. И отец его тоже переселился. Всё равно старики помирать должны, не так, так иначе.

Лариса села на стул, снова падает, вскрикивает. Ходит по комнате. Сёстры стоят, как мебель, рассматривают Ларису.

ЛАРИСА. Какой концерт. Я чёкнулась совсем. Мозгами брякаю ни о чём. Теперь во всех газетах напишут, по радио передадут, по телевизору покажут: Лариса Боровицкая кинула родителей и... ещё что-то!!!

НАТАЛЬЯ. Зачем они будут такое в газетах писать?

ЛАРИСА. *(Помолчала.)* Зачем тут стоят эти сифилитички, что им надо?

НАТАЛЬЯ. Какие сифилитички? Кто сифилитички? Они не сифилитички.

ЛАРИСА. Вот эти вот. У них же носы горбатые!

НАТАЛЬЯ. Ну не впалые же.

ЛАРИСА. При чём тут впалые?!

НАТАЛЬЯ. Если бы они были типа того что сифилитички - у них носы были бы впалые. Поняли?

ЛАРИСА. Слушайте, ну что он там сидит, заберите его оттуда, заберите! *(Открыла дверь на балкон, кричит, боясь выйти:)* Папа! Иди домой! На кого ты похож, будто не ты, папочка?! *(Пауза.)* Господи, какой воздух, пыль на балконе красная.

НАТАЛЬЯ. Промышленность нас загрязняет типа того что.

ЛАРИСА. Ужас. И эта “о” на магазине мигает и мигает, будто орет, что он там сидит, на молоке “о” орет, о! О!! О!!! Днём-то она почему мигает, ну, ну!!!

НАТАЛЬЯ. Закаратило, видно. А мы в газеты не напишем. Если б я ваш адрес знала, то тогда да. Я в газету потому, что мамочка ваша сказала, что вы её дочка и показала фотографию из журнала. Я думала, она - того. А газета нашла героя, ну, типа того что, вас нашла. Я для интересу. Я на марку потратилась. Я так просто, а вы приехали.

ЛАРИСА. Да, милая. Вы на марку потратились, а они прибежали с видеокамерами, за скандалом. Ждите, скоро и к вам заявятся. Им плохая новость - хорошая. Я поеду в гостиницу, в отель, возьму отца, помогите мне его забрать, позовите же его, что ж я буду по улице бегать, кричать, помогите?!!!

НАТАЛЬЯ. Ну что ж, мне покликать его?

Пошла к выходу. Митя мычит. Лариса смотрит на него с ужасом. Митя мычит:

МИТЯ. Па-па... Па-па... Па-па...

НАТАЛЬЯ. Митька... Митенька... Не надо... Не нервничай... Голубчик мой, солнышко, тихо, мой любименький, Митечка, не надо, дорогой мой...

Кинулась к Мите, гладит его по щеке испуганно, слёзы вытирает.

ЛАРИСА. *(Поражённо.)* Это что такое? Это что такое? Так он говорит?! Что случилось? Почему это? Кто он?

Влетает Зорро. Оттолкнув сестёр, кричит с порога Ларисе:

ЗОРРО. Вы ковёр у меня купите, о как. Вам его продам. Никому не продавал, а вот вам - продам. Не подарю. А продам. Обстоятельства форсмажорные, о как.

НАТАЛЬЯ. Явился баран. Вот баран. Вспомни дурака, он и появится. Мой ковёр!

ЗОРРО. Ты, сало колхозное, молчи, монтеклюшка, по колено в землю вгню! И мой, и твой. Наш! Я не примак тебе! Мой! Ташкент напомнить? Сразу: купите. Зачем после? Отсрочка - воровка времени, ведь так?

ЛАРИСА. Что такое?

ЗОРРО. Я говорю: вы ковёр у меня купите.

ЛАРИСА. Это что, вопрос?

ЗОРРО. Как хотите. И утверждение. И вопрос. Я грамотный, не думайте. “Форсмажорные обстоятельства”, знаете такое слово? Нет. О, как!

НАТАЛЬЯ. Уй, чудо-юдо, рыба-кит, рыба правду говорит! Шик-блеск, в жопе треск. Сядь. Молчать. Ну-ка, тихо. Что вот человек про нас подумает. Архаровец. Вот, не видели дураков, посмотрите. Красный фонарь включили будто, рожка красная, уй, алкаш, не смотри на меня!

ЗОРРО. Молчи! Сама архаровец! А Толька - не мой сын. Не признаётся восемнадцать лет - чей. Про это потом. Короче - ковёр. На нём, знаете, что? Наполеон, о как. Вот так руку сделал, о как. У меня сосед сверху врач, он понимает. Говорит: если Наполеон на ковре руку сделал так вот вперёд, значит - он живой был. Ещё.

ЛАРИСА. Кто?

ЗОРРО. Ковёр. Ковёр значит, сделали, когда Наполеон живой был. Врач сказал!

НАТАЛЬЯ. Да какой врач, санитар в скорой помощи, алкашука такая же, спирт тебе таскает, алкоголик хренов, два дурака, пьяные напились вчера, маски пороссячи понадевали, ходили по двору людей пугать, тьфу, стыд, бессовестный!!!

ЛАРИСА. Это кто?

НАТАЛЬЯ. Зорро. Зорро тот самый и есть. Он и есть.

ЗОРРО. Молчи! Дёшево уступлю. Купите? В театре повесите. Красиво будет!

ЛАРИСА. Я вас не знаю.

ЗОРРО. Познакомимся. Я начальников начальник и мочалок командир. Вот этих мочалок - командир. Зорро. Сам себя так назвал. У богатых беру, бедным раздаю. Жизнь у нас тут ой сладкая в городе: слой повидла, слой говна. Живём, а чего? Как киргизы живём: лет десять в квартирах ремонта не делали, не красили ничего, не белили - денег нету. Есть тут у нас в городе - всё: от угля и до грибов. Но одни Паганэли поганые живут. Люблю их так, что поубивал бы. Эту подружку-подлюжку в первую очередь, тоже. Но терплю: худой мир лучше доброй ссоры. Зорро я, герой, защитник бедных!

НАТАЛЬЯ. Врёт. Из дому ворует, несёт и продаёт за бутылку. Это я богатая? Кормлю тебя, обстирываю! Про ковёр не думай - мой! Мне от мамочки досталось! Может, он и правда типа того что бесценный, а ты?!

ЗОРРО. Вы не девчёшка давно. Цвет волос банановый. По телевизору вы другая.

ЛАРИСА. По телевизору другая. По телевизору стучите, там стекло, видите? - не больно, а тут я живая, постучите по мне - я заплачу. *(Заплакала.)*

ЗОРРО. Нет, по телевизору я не вас видел. Вас я вообще не видел никогда. Слушай, она кто такая, эта, в мохнатом платье? А? Как суслик мохнатая!

НАТАЛЬЯ. Да тихо ты, распространяется типа того что!

ЗОРРО. Я и говорю всем - тихо! Тихо в лесу, только не спит барсук, завтра барсук поедет на БАМ, вот и не спит барсук! В смысле, у нас телевизор не работает.

НАТАЛЬЯ. У нас телевизора нету, вынес. И этот бы вынес, Митьку уговорил бы, да сломанный, никто не возьмёт. Придурка кусок! Иди, ишак ты, ишак с рогами!

ЗОРРО. Молчи! Вы с ней не дружите. Она человек без принципов. Видели моего Тольку? Её, вернее. Тут вам такие обстоятельства форсмажорные, ого-го.

НАТАЛЬЯ. Опять?

ЗОРРО. Не опять, а снова. Не видели Тольку? Он чёрный. Ей все, и я тоже, говорим: ты с каким узбеком его нажила, нагуляла? А она в Ташкент ездила, оттуда, привезла Тольку, точно. А она: у меня мама была чёрненькая, ну дак, мол, может он в маму. Такой у неё вариант, понимаете? Пусть в чёрненькую маму он будет чёрненький, пусть, я согласен, пусть чёрненький, но! - не до такой же степени.

НАТАЛЬЯ. Да я в Ташкент с классом ещё ездила, в десятом, а за тебя взамуж пошла в двадцать пять, бессовестный, людям такое распространяет, врёт, тьфу! Замолчи, иди домой, Зорро проклятая!

ЗОРРО. Молчи, я помню: сразу после десятого я тебя взял! Не думай, что я заспал, я помню! В Ташкенте в арыках валялась. Тебе узбеки пели: "Будешь есть конфеты Мишка и вертеться на мой шишка!" Она с пузом - и со мной к алтарю.

НАТАЛЬЯ. Какому "алтарю", тогда райком был! Нас в райкоме регистрировали!

ЗОРРО. Молчи, в райкоме, бледная вошь. Вот, хоть вы мне разрешите тогда спор мой с нею. Усирается спорит, что наши вошли в Афганистан в семьдесят втором, а я ей говорю - в семьдесят девятом. Ну?

МОЛЧАНИЕ.

ЛАРИСА. Что?

ЗОРРО. В каком?

ЛАРИСА. Я почему это должна помнить?

НАТАЛЬЯ. В восемьдесят втором, конечно! И райком был, а не алтарь!

ЗОРРО. *(Вдруг начинает кричать, стучать кулаками по стенке.)* В семьдесят девятом, в семьдесят девятом, в семьдесят девятом!!!! Сука?! Мы там десять лет, мы там гибли, десять лет, сука, ты тут в окопах в тылу отсиживалась, жировала, в Ташкент к душманам ездила, по арыкам с ними валялась, а теперь говоришь, что в восемьдесят втором?! Ты, сало колхозное, по колено в землю вгоню!

НАТАЛЬЯ. Вот, всегда такой разговор, видите? По колено в землю и всё, типа того что. В восемьдесят втором!

ЗОРРО. В семьдесят девятом! Да ты хоть одну нашу песню афганскую знаешь, я знаю: “В глухой ложбине он увидел волка, верней, волчицу, а точнее - мать!!!!”

НАТАЛЬЯ. Знаю я. Ты другую свою любимую ещё спой: “Первым делом мы испортим самолеты, ну, а девушек, а девушек потом.” В восемьдесят втором.

ЗОРРО. В семьдесят девятом!!! *(Упал на пол, рыдает, бьётся, Наталья крутит пальцем у виска, показывает это Ларисе. Сёстры молчат всё так же, смотрят.)*

НАТАЛЬЯ. В восемьдесят втором.

ЗОРРО. В семьдесят девятом!!!!

НАТАЛЬЯ. Ты служил? Ты? Да у тебя лёгкие больные, врешь.

ЗОРРО. Я?! Я?! Зорро не служил? Зорро не служил? Не служил Зорро?! Зорро?! *(Спокойно.)* Да. Я не служил. Но я хотел быть солдат! Я мамке в детстве говорил: солдаты не какают! И потому я хотел быть солдат! Я не служил, да! Фактически не служил. Но мысленно - служил. А главное - мысленно. Вместе с ребятами быть, которые... Которые!!! Поняла?! Признаюсь - видишь, какой честный, при человеке признаюсь: не служил. Признался тебе, ну? И что? В семьдесят девятом?

НАТАЛЬЯ. Ну и всё. Опять за рыбу деньги. В восемьдесят втором.

ЗОРРО. А в КГБ меня не вызывали, скажешь тоже?! Нет?

НАТАЛЬЯ. Отвали, стрекозёл, пристал.

ЗОРРО. Скажи. Вызывали?!

НАТАЛЬЯ. Да вызывали, вызывали.

ЗОРРО. Слышали?! Даже она - признаётся. Я даже подозреваю, что и она - тоже.

НАТАЛЬЯ. Что - тоже? Замолкни!

ЗОРРО. *(Поманил Ларису к себе.)* Она тоже - руку приложила. Стукнула туда. На мне КГБ психотропное оружие испытывали. Я инвалид, практически, о как.

ЛАРИСА. *(Помолчала.)* Если оружие, то психотропное.

ЗОРРО. Психотропное! Потому что операция по такой работе с такими как я называлась: “Психическая тропа”! Мне никто не говорил, но так думаю. Так что - я инвалид психотропный. Оставьте мне папу вашего. Мы табличку напишем: “Папа артистки, подайте”, и нам дадут. А мы бедным раздадим, о как! Я же Зорро, защитник бедных. Я его сберегу. Не оставляйте Митьке, оставьте мне. Ему папу нельзя доверять. Он знаете, что с папой сделал? Я инвалид. Тоже. Психотропное.

НАТАЛЬЯ. Он не врёт, правда. Психотропное, типа того что. У него голоса в голове постоянно. Мне не слышно, но я чувствую, когда рядом с ним сплю, он ворочается. Это связано с переселением душ. Митькиного папы душа тоже тут. Вот негр - не просто так. Что-то с психотропным переселением душ.

ЗОРРО. Не лезь! Что ты знаешь про психотропное? Тебя в КГБ пытали?!

НАТАЛЬЯ. Да кто тебя пытал? Заявань. Не так уж и страшно всё, как он говорит, что вы так испугались, не слушайте его!

ЛАРИСА. *(Кричит вдруг, что есть силы.)* Прекратите все, пожалуйста, все!!!! Молчать! *(Тихо.)* Что значит - оставьте?!

НАТАЛЬЯ. Кого оставьте?

ЛАРИСА. Он сказал - оставьте нам папу?! Он что вам - вещь?!

ЗОРРО. Ну да. Оставьте. Вам он зачем? Вы там - таскуетесь. А у нас - будет у нас что кушать тогда. А то так - совсем захирели мы уже безо всего.

ЛАРИСА. Без чего?

ЗОРРО. Да без всего.

ЛАРИСА. Кто таскается?

НАТАЛЬЯ. Он хотел сказать: тусуетесь, тасуетесь, как карты. Ну, как по телевизору они в бабочках ходят, и вы там с ними типа того что. Не таскаетесь, нет. Мы откуда знаем - таскаетесь вы там по мужикам или нет. Нам по барабану, вообще-то, типа того что. Он просто сказал, что нам плохо будет без всего.

ЛАРИСА. Без чего, спрашиваю?!

НАТАЛЬЯ. Да без всего, типа того что.

ЛАРИСА. *(Помолчала.)* Детский сад маленьких дебилов, ругающихся матом. Я пойду с папой в отель. Нет, Алекс перезвонит. Я вынуждена здесь сидеть. Ждать денег хотя бы. У меня нет денег. По-моему, меня обокрали в поезде.

ЗОРРО. А сейчас папаша ваш денег принесёт. Ему дают.

ЛАРИСА. Слушайте, вы нормальный?! Вы - идиот? Вы что говорите?! Что?!

ЗОРРО. А что тут понимать? Я что не так сказал?

ЛАРИСА. Так. Всё так. Заберите отца, я поеду. Нет, пойду.

НАТАЛЬЯ. Да сидите. Поговорим, как русские люди. Вы же всё говорите: русские да русские. Ну вот, мы русские, попки узкие, типа того что, Митька, давай бутылочку, у тебя есть, знаю. *(Смеётся, суетится.)* В честь приезда, по-русскому обычаю, выпьем, отметим, артистка у нас, какая артистка у нас! Сара, Двойра, идите, как русские типа того что сядем, сюда, сюда.

ЛАРИСА. Какая бутылочка? Я не буду, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет.

ЗОРРО. Как не буду, все будем, правильно она говорит, Митька, правильно, правильно, она говорит, угощай же ты гостя, ну?

Митя принёс бутылку, поставил на стол. Сёстры, Зорро и Наталья смотрят на бутылку. Молчат. Лариса повертела головой, сказала неуверенно:

ЛАРИСА. Я не буду пить. Тут всё дезинфицировать надо. *(Пауза.)* Впрочем, налейте мне немного. Хотя, может быть, у вас есть бренди, коньяк, виски, а не это?

НАТАЛЬЯ. Пейте. Я бы тоже, но нельзя, я была в окружении Лещенко. Пьёшь?

ЗОРРО. Налей - увидишь. Белая - несмелая, красная - напрасная, водка - в сердце прямая наводка, на халюву уксус сладкий, ура!

НАТАЛЬЯ. Зорро чертова, как мне типа того что другой раз в твой стакан плюнуть охота, ух!

Зорро смеётся, налил себе, Ларисе, Мите, сёстрам. Выпили. Лариса молчит. Улыбается. Зорро снова налил, снова выпили. Быстро и молча выпили всё. Едят что-то с тарелок. Сёстры стоят, не садятся.

ЛАРИСА. Нет, не надо еды, тут специфическая грязь. Простите, что я сердита, взволнована, но вы должны понять, вы же согласны, что тут не совсем чисто?

ЗОРРО. Согласны. Только нет, а то бы он тоже выпил. Жалею его, наливаю.

ЛАРИСА. Она сказала, что он скоро помрёт. Этот человек по имени Анатолий.

ЗОРРО. Кто помрёт? Толька? Да слушайте её. С чего помрёт? Молодой, здоровый бугай, нигде не работает, на мотоцикле ездит или с собакой по городу шляется. В подвал вон девок таскает. Каждую ночь новая.

НАТАЛЬЯ. Да тихо ты. Разговорится другой раз типа того что.

ЗОРРО. Ну да. Портит их. О как. И правильно, пусть. Что молодому делать? Пусть портит. И я портил. *(Смеётся.)* Хорошо стало, жизнь цветная стала, а?!

ЛАРИСА. *(Улыбается.)* Прямо интересно посмотреть на героя, про которого вы столько рассказываете. У него имя, как у моего друга. Сорок дней назад он разбился в автокатастрофе. Мой муж. Почти. Он был моложе меня. У меня шляпка от Сен-Лорана, вы угадали, что вы так смотрите?

Телефонный звонок, Лариса взяла трубку.

Алё? *(Пауза.)* Сори. *(Положила трубку, молчит, улыбается.)* Позвонил какой-то татарин и сказал “Ассалям алейкум.” Я сказала ему тоже по-иностранным: “Сори”.

НАТАЛЬЯ. Надо было ответить: “Алейкум ассалям.”

ЗОРРО. Про Тольку не верьте. Врёт, сало колхозное.

НАТАЛЬЯ. Хватит тебе, выпивай и молчи. А вы нам сыграйте, а? Прикиньтесь?

ЛАРИСА. Слушайте, вы кто? Кто вы по профессии?

НАТАЛЬЯ. Регистратор в поликлинике. Не поняла? Я люблю свою работу.

ЛАРИСА. Да любите. *(Смеётся.)* Я говорю: раз вы регистратор в поликлинике, то вы нам тоже прикиньтесь тут, порегистрируйте нас тут нас. *(Расхохоталась.)* Что-то мозгами брякаете, брякаете ни о чём. С чего я перед вами должна “Казачок” танцевать? О, Россия, о, моя Родина, проснись, очнись, посмотри на себя в зеркало, куда же ты катишься, мозгами брякаешь, брякаешь, брякаешь, брякаешь?

НАТАЛЬЯ. Не поняла? Что? *(Пауза.)* Да, регистратор. А вы тут сами-то кто? Приехали, разорались. Сидят, пьют, обзываются типа того что. Да сама не брякай тут, мохноногая какая! В шляпе, в платье мохнатом, ишь! Села, обзывается! А вы дуры, что встали? Вон отсюда! И ты пошла быстро, распилась, алкашука проклятая, ишака кусок с рогами, ну?!

Схватила Зорро за руку, утащила, хлопнула дверью. Сёстры развернулись, тоже ушли. Сидят за столом Лариса и Митя. Молчат. Митя глупо улыбается, гладит клеёнку рукой.

ЛАРИСА. Видите? Как только извинилась перед хамами, тут же они идут в наступление. Закон. Я ждала, это должно было произойти! Хамство должно проявиться, несмотря на то, что она говорит про высокие материи, про переселение душ. В ней сидит хамка. Хамит. На “ты” пошла говорить. Узнаю тебя, мой великий могучий русский народ. *(Пауза.)* Можно, я сяду на эти листья? У меня ноги болят так сидеть. Я подожду папу, он скоро придёт. Меня в сон потянуло, я принимаю лекарство, а его смешивать с алкоголем нельзя, всё перед глазами поехало. *(Села на листья.)* Половицы визгливые, скрипучие, села и будто кого-то там в листьях раздавила. Ничего, не беспокойтесь, у меня ещё есть платье, запачкаю - так неважно. *(Молчит, вертит головой.)* Я сижу дома. Где мой дом. Это не мой дом. Где мой дом? Нету моего дома. Я вдруг подумала, что Достоевский был ерунда себе, правда ведь? Ничего особенного. Вы ведь разговариваете, да? Вы понимаете? Вы их обманываете, что вы не можете говорить? Я сразу поняла по глазам, что вы скрываетесь от них, сразу. Удобнее жить, скрывая своё настоящее. Ведь так? Итак, Достоевский. Вот это, куда я попала - дно, вот это жизнь, тут страшно. А он был комнатный философ, комнатная собачка. Придумал или вычитал из газеты что-то про убийство старушки процентщицы и давай мусолить. Не страшен нам Достоевский, правда ведь? Ничего чёрного, тёмного в человеке он не увидел. Ерунда. Вот тут страшно, тут достоевщина настоящая, не комнатная. *(Пауза.)* Эти разговоры о смертях, убийствах - доконали меня, она ни о чём более рассказывать не может. Переселение душ, похороны, мозгами брякает, будто весь город только и делает, что хоронит и хоронит. Впрочем, мне всё равно, я не вмешиваюсь, я как Швейцария - должна сохранять нейтралитет, я завтра уезжаю. Сидеть невозможно. Нельзя вертеться, усаживаться - скрип половиц, будто там сотня живых существ, и я их давлю и давлю. *(Смотрит на трещину на стене.)* Кого напоминает мне этот профиль. Негра

какого-то. Чёрный человек. Пришел к Моцарту чёрный человек. И к Есенину пришел человек. Друг мой, я очень и очень болен, и откуда взялась эта боль. Чёрный цвет. Много черноты у меня. Черным-черно. Мамочка в чёрную кассу играла когда-то, вспомнила вдруг. Какой разврат, какое распутство. А я хотела в гостиницу. Какая гостиница. Я не вижу ничего. Пелена перед глазами. Правда, поверьте. А у вас лампочка в квартире подслеповатая. Я должна сидеть тут. Помогите мне встать.

Митя подал её руку, поднял с пола, стоят близко-близко друг к другу, он улыбается.

Вы понимаете? Вы меня не тронете? Вы меня не будете насилловать? Нет, конечно. Вас, она сказала, в тюрьме самих насилловали и вы знаете, как это страшно. Я понимаю. Меня много раз насилловали. Нет, я молчать буду. Вы понимаете? Был у меня друг, всего сорок дней назад, так недавно, а теперь нет, он был молоденький, любил не меня, а мою прошлую известность, но мне было всё равно, я была с ним счастлива, три месяца всего, мальчик совсем, умер, он был молодой, а умнее меня, улыбался, говорил мне “вы”, всегда говорил какую-то книжную красивую фразу: “Не кладите руки на плечи первого встречного, впрочем, как и второго тоже”. И ещё повторял всегда, успокаивая: “Всё будет хорошо, Ларочка, всё будет хорошо.” В тот день он уезжал от меня, мы простились, он закрыл стекло на дверце машины, я на нём, на запотевшем стекле, пальцем написала: “Лариса. Любовь”. Милый мальчик, Толечка мой, его раздавила машина, которая перевозила живых свиней - можете себе такое представить? Его машина всмятку, Толя - погиб, шофёр грузовика-убийцы тоже, а все свиньи в перевёрнутой машине остались живы. Потом я приезжала на место катастрофы: стекло разбито, кузнечики в траве верещат, и тихо, тихо на земле - только свиньи хрюкают, они хрюкали, я и сейчас слышу их деловитое такое похрюкивание. *(Пауза.)* Вот так. Лариса. Любовь. Нет ничего теперь. Тьма в моей жизни. Чёрный человек пришел и забрал моего Толю. Сорок дней назад это было или сорок лет? Потом - известие, что мама умерла. Значит, ещё кто-то умрёт. Есть примета: если кто-то умер и до сорока дней умер ещё один человек, то, значит, будет и третья смерть. Слышите?

Трамвай летит мимо окон. Лариса зажимает уши.

Как страшно, как страшно тут у вас, как тут живёте вы, надо выключить этот трамвай... Не кладите руки, говорил он мне... А я вот, видите, дала бесстрашно вам свои руки. Вы понимаете? Конечно, понимаете. Вы не глухой и вы не немой. Не мой. Не наш, не ваш. Не моё дело. Не моя жизнь. Тут моего нету. Да, да. Я тут временно, быстро укачу. Мне надо в Москву, меня кошка моя ждёт, она одна осталась у меня. Папу заберу. Я буду о папе заботиться. Он спасёт, а я его. Тут моего нету. Это всё - не моё. Не моё. Немое. Немое кино. Немая актриса. Бред какой-то. Отпустите мои руки, мне больно. *(Подошла к балкону, говорит негромко через подоконник, в стекло.)* Папа, идём домой. Нет, идём в отель. *(Пальцем на пыльном стекле написала “Лариса. Любовь.” Молчит, смотрит на трещину на стене.)* Милый, спасибо вам, что вы приютили папу и маму. Спасибо! Вы добрый, я вижу, хотя у меня и куриная слепота. Господи, как хорошо мне стало, выпила и спокойно. Как будто я вошла в речку с тёплой водой и хожу по освещённому дну, в сказке будто, водоросли зелёные колыхнутся вокруг. Надо немного выпить и всё провалится, все несчастья високосного года, и прежнего, несчастного невисокосного, года, и прежних, и прежних. Мне сорок пять, из них тридцать пять были високосными... Мне надо успокоиться... Вы сами предложили выпить, что ж теперь... Кому я говорю, кто понимает... Зачем я говорю... негры одни... как я устала, милый Толечка, как я устала... Толя мой, Толя-доля-воля-больно, ай, ай...

Села на кучу листьев, прижала сумочку к себе, прислонила голову к стене, закрыла глаза. Митя смотрит на неё. Погладил её по щеке рукой. Молчит.

Трамвай грохочет на улице, мимо балкона проезжает, искры сыпятся.

Вошёл старик, кинул на стол деньги, прошёл в свою комнату, лёг, не раздеваясь, на кучу листьев.

Митя смотрит на Ларису.

Темнота.

НОЧЬ

Митя идёт по комнате с ножом. Прошёл мимо Ларисы, профиль на стенке скалится, рожки показывает. Тень от ножа перечеркнула лицо-профиль. Сёстры-еврейки стоят: одна свечку держит, другая усы расчёсывает. Митя подошёл к кровати отца, замахнулся ножом, вонзил его в тело, тело с грохотом, в конвульсиях, упало на пол.

Грохот, будто где что-то взорвалось.

Лариса вскакивает. Перепугано нацупала сумочку, щёлкнула зажигалкой, светит перед собой. Щупая стены, идёт в коридор, бежит из подъезда на улицу. Встала под фонарём у дома, оглядывается, смотрит на небо, на звёзды. Молчит.

В молочном магазине грохочут ящики.

Лариса кинулась назад, дёргает дверь подъезда, но она захлопнулась.

К дому подъехал мотоцикл. Из темноты вышел АНАТОЛИЙ - в тренировочном костюме с надписью "Адидас", в кроссовках, в каске, с сигаретой в руке.

ЛАРИСА. Кто? Вам что? Что вы? Я тут, я местная, не трогайте меня, идите давайте, я своя, меня испугали, я вышла подышать, я приехала к папе с мамой...

ТОЛЯ. Ключи вот. Я тут живу. Открою подъезд. Холодно, идите в квартиру.

ЛАРИСА. Ничего не холодно, идите, я боюсь вас, вы чёрный, идите, я закалённая, я посидеть хочу.

Толя смотрит на неё. Лариса пошла к трамвайным путям, села на рельсу.

ТОЛЯ. А вы артистка та самая? Прикольно. Мамка написала вам? Ну в подвал пошли, там тепло.

ЛАРИСА. Мамка, какая мамка? Подвал, да, подвал. Мне сегодня про подвал и про вас кто-то говорил. Я хочу тут сидеть. Я буду скоро играть Анну Каренину и мне надо войти в образ.

ТОЛЯ. Чего?

ЛАРИСА. Так. Ничего. *(Пауза.)*

ТОЛЯ. Ладно. Сидите. Пошёл.

Пошёл к подъезду. Лариса крикнула ему:

ЛАРИСА. Эй, вы? Подойдите на минутку. Пожалуйста. Спичку, а? Нет, закурить даже дайте, у меня нету.

ТОЛЯ. На. *(Протянул Ларисе сигарету и чиркнул спичкой.)*

ЛАРИСА. Не "на", а "нате" нужно говорить.

ТОЛЯ. Ну нате.

ЛАРИСА. Дайте мне спичку в руки. *(Прикурила, потом осветила лицо Анатолия, негромко, улыбаясь:)* Нет, нет. Сорок дней. Там были свиньи, там была кровь, там кузнечики в траве трещали, а свиньи хрюкали...

ТОЛЯ. Чего?

ЛАРИСА. Сорок дней. *(Молчит, потрянула головой.)* Посветите ещё себе на лицо? *(Улыбается, поёжилась.)* Я плохо вижу в темноте. Простите. Обозналась. Это вы, стало

быть, чёрненький сын? Как вас зовут? Толя, да? Да, черняв. Негр просто. Негр Толя. Вы похожи очень на одного человека, моего знакомого. Не важно.

ТОЛЯ. *(Свистит.)* Жулик, Жулик, сюда иди, смотри, тут живая артистка! *(Смеётся.)*

ЛАРИСА. Какой жулик? Кто жулик тут?

ТОЛЯ. Моя собака - Жулик. Так зовут. Жуликом. Подобрал. Придёт сейчас. Он в подъезде спит. На листьях. Заколебал он меня. Бегаёт за сучками, удирает из дому. Кормлю, кормлю его ишшо, толку нету, подвал мне не сторожит, а там богатство моё. А вы артистка? Ну, прикольно! У нас тут - артистка, блин! *(Смеётся.)*

ЛАРИСА. Что это за отсветы, блики на деревьях?

ТОЛЯ. Это? Пакеты из-под молока, сока. Я повесил. Для птичек. Кормлю их. А?

ЛАРИСА. Будто ёлка наряжена мусором с помойки. Добрый. Жулика подобрал. Двортерьер. Добрые все, гляжу, доброты неизбыточной. Людей подбираете, собак. В дерьме по уши, а чтоб не скучно было - в доброту играете. Всем не поможешь.

ТОЛЯ. Надо же, артистка! У вас платье какое мохнатое, как шкура у Жулика. Можно потрогать? Натуральное, нет?

ЛАРИСА. Да, натуральное. Это Сен-Лоран, дорогой. Причём тут ваш Жулик. Ну, потрогайте, раз хотите. *(Пауза.)* Видите, приехала, надо было в отель, а я осталась, потому что ничего в потёмках не вижу, куриная слепота. Как я хочу в мою тёплую квартиру в Москве. Боже, куда я попала? *(Пауза, Анатолий смеётся.)* Что вы смеётесь, что смешного? У меня такая трагедия с мамой, с папой.

ТОЛЯ. Вы так по-московски прикольно разговариваете! Какие они вам мама, папа? У них не все дома были, побирушки оба были, а Митька их подобрал, чтоб они ему попрошайничали, пенсию свою прячет, туйбень, хитрован, артистка, о!

ЛАРИСА. Вы что такое говорите? С ума сошли? Что вы говорите о моих родителях, родителях Ларисы Боровицкой? Молчать! Вы вообще кто тут?

ТОЛЯ. Я? Живу тут. А что? Я вот на мотоцикле езду, катаюсь вокруг дома. Скучно тут. Девчонки ко мне приходят ишшо, курум в подвале. Можно и дома, да не хочу, в подвале оборудовал так, полочки поставил, там мотоцикл стоит, лампочка, топчан. Будто квартира у меня. Пошли, покажу, сходим туда?

ЛАРИСА. Нет, нет, спасибо. Я, наверное, рядом с вашим Жуликом лягу в подъезде. И под каждым ей кустом был и стол, и дом, и стул. Все помешались на листьях. Вокруг дома листья, будто дом поджечь кто хочет, приготовил, шины разложил, чтобы лучше горело. Зачем шины? Клумбы? Что за грохот?

ТОЛЯ. Надо же, артистка! Я бы тоже артистом стать хотел! Выбращать там по телевизору, прикольно, наверное, ага? И денег ишшо платят, знать-то, кучи? Это ящики пустые грузят. Молока привезли.

ЛАРИСА. А-а, молока привезли. О. О. Анатолий. Одно “о” в слове. А в “молоко” три. Очень прикольно, да?

ТОЛЯ. Надо же, артистка! У меня девчонки знакомые ездили на артисток поступать, назад приехали. Две недели в Москве побыли, а такие стали закидонистые, выбражулистые, прям артистки, не подойди к ним. Ну, потом повыбражали, приходили ко мне в подвал, про Москву рассказывали. Ну, ништяк вообще. Скучно у нас тут. Надо же, артистка! Мохнатая какая, как зверёк какой!

ЛАРИСА. Вы не можете стукнуть по этой “о”, чтобы она не мигала. Заколебала в доску она меня, выражаясь по-вашему.

ТОЛЯ. Пусть горит. Прикольно. Ишшо никому не помешала.

ЛАРИСА. Слушайте, “прикольно”, мне мешает! Я слепая. Он - немой, а я слепая. Калеки. Съезд калек. Калик перехожих. Ящики из-под молока. Молока. Молоко от бешеной коровки. Вы тоже какой-нибудь калека, нет?

ТОЛЯ. Нет, у меня всё на месте. Меня девки любят. У нас девчонки хорошие тут, нам с пацанами нравится, сговорчивые. А артистки пьют? Я слышал - пьют хорошо. Ага? Хотите банку раздавить? Зорро возле дома в листья опохмелку прячет. Я не пью, мне не нравится, только редко, когда прикольно. *(Порылся в листьях у подъезда, достал бутылку, протянул Ларисе.)*

ЛАРИСА. Почему по-вашему, актрисы должны быть обязательно пьющие? Совсем нет. Наговаривают на нас газетчики, журналисты. Нет, я не буду чужое. *(Пауза.)* Разве что глоток, согреться. *(Взяла бутылку в руки.)* У вас нет с собой случайно рюмки или фужера? *(Молчит. Пьёт из горлышка, улыбается.)* Спрячьте. Нет. Я ему завтра куплю. Я “ишшо” пару глотков. *(Пауза.)* Я быстро пьянею, потому что пью мало, очень мало. Но для других на Канарские острова слетать - праздник, а мне пятьдесят грамм - Канарские острова. Пятьдесят грамм - мои Канарские острова. Им Канары - отдых, а мне выпить чуть-чуть - мои Канары, снимает стресс... Жизнь актрисы полна стрессов. Что?

ТОЛЯ. Ничего. Я молчу. Слушаю. Пейте. Я с артистками не разговаривал, не пил.

ЛАРИСА. Ах, как согрело внутри, очень приятно. *(Пауза.)* Вы так же как мама шмыгаете носом. Возьмите платок. Правда, у вас это получается мило, не пошло. Вы не пошлый. У вас речь не развита, вы смешной. *(Смеётся.)* Как хорошо стало. Ну, развлекайте? Вы не спите, я не сплю, говорите что-то прелестное. Ну?

ТОЛЯ. А что сказать? Я вот, живу тут. Всё путём. Бывает прикольно.

ЛАРИСА. Мамаша вас хоронит. Знаете? Говорит: помрет скоро.

ТОЛЯ. Она дура. Я её бил пару раз уже. И Зорру бил. Боятся меня. Она хочет, чтоб я помер, видит, что я их буду держать крепко, как стану большой. Надоели они мне, дураки. Скорей бы в армию, что ли. Или хоть помирай, правда. Скука.

ЛАРИСА. Называется: тешить беса. Сядьте, пожалуйста, рядом, погрейте плечом. *(Толя сел рядом, накинул ей на плечи пиджак. Она молчит.)* Вы наговариваете на себя. Вы худенький, тоненький, а какие-то гадости про себя говорите, будто вы такой мужик-распромужик. Эй, провинциальный кавалер. Дайте спичку. Погасла сигарета. *(Он зажжёт спичку, она взяла огонёк в свои руки, смотрит ему в лицо. Улыбается.)* Очень похож на моего знакомого. Очень. Только он никогда не ходил в фальшивом “Адидасе”.

ТОЛЯ. Чего?

ЛАРИСА. Так. Давно у меня не было молодых кавалеров. Сорок дней. Ну, маленький гигант большого секса, а где оно, ваше гнездо разврата?

ТОЛЯ. Чего?

ЛАРИСА. Подвал где?

ТОЛЯ. Вон дверь. Сходим?

ЛАРИСА. После. Что ж вы не спали?

ТОЛЯ. Скучно. Гулял. С Жуликом. На небо смотрел.

ЛАРИСА. На небо? Небо и небо. Зачем смотреть? Заболит шея, если её вытягивать. Знаете слово, в котором есть три “е”?

ТОЛЯ. Нет.

ЛАРИСА. Длиннош-е-е-е животное. *(Смеётся.)*

ТОЛЯ. Митька мне всё про небо заливает. У него в тюрьме крыша поехала. Всё говорит: “Небо. Мы все скоро будем жить на небе. Мы будем небожители. Мы там будем жить. Там всё будет хорошо. ” Может, и правда, думаешь другой раз? А чего? Прикольно, если так. Тогда спокойно тут и не так скучно. Смотрю туда, наверх, и думаю: а может, правда? Там будет другая жизнь. Там всё не так будет, а? Как артистки в Москве про это думают? Тут подвал. Тут грязь. Мать - дура, Зорро ещё дурнее, бабы все - суки, ни одной хорошей нету.

ЛАРИСА. Что ж вы это мне говорите? Я ведь тоже женщина, могу обидеться.

ТОЛЯ. На что? На то, что бабы - суки? Ну, обижайтесь, мне-то? Раз правда.

ЛАРИСА. Сексуально озабоченный мальчуган. Не надо про небо. Боже, как долго вас надо перевоспитывать, даже говорить учить нормально. Вам не идёт про небо говорить, слышите? Подружек в подвал, в антисанитарию таскает. Кто вам сказал это? Этот?

ТОЛЯ. Митька, ага. В детстве так он со мной говорил, сейчас - нет. А может, мне приснилось, что он со мной говорил, не знаю. Вроде говорил такое.

ЛАРИСА. Я же сразу сказала, что он разговаривает, да? Как шпион, предатель, разведчик, молчит, играет в глухонемого. И говорит не со всеми, только с избранными? Прячется. Да. Ага, ага. Небо. Будем лежать в грязной земле. Небожители. Землежители. Болтун, провинциальный философ. И вы, и он.

Сидят рядышком на рельсах, прижавшись друг к другу. Толя берёт листья в горсти, подбрасывает вверх и они падают. Лариса наблюдает за ним, пьёт из горлышка.

Как ваша фамилия?

ТОЛЯ. Ганин. Толя Ганин. Ганины мы.

ЛАРИСА. Ганин. Анатолий Ганин и Лариса Боровицкая. Толя “Гэ” и Лариса “Бэ”. Парочка - баран да ярочка. *(Смеётся.)* Ганины-поганины. У меня был диплом в универе по русским фамилиям. Училась в университете на филологическом факе, хотела стать учительницей, мечтала, писала поурочные планы в тетрадке в клеточку. Стала артисткой. В самоделку пришел режиссер, увидел меня, забрал в один фильм, в другой, и вот - звезда. Короче: про фамилии. Привычка - судить о человеке по фамилии. Ганин - это совсем неплохо. Ваш профиль - как со стенки в той квартире. Ну-ка, голову к небу, посмотрите вверх? Кадык большой. Большой и острый. Прямо как у него. Но вы не он. От вас пахнет иначе как-то.

ТОЛЯ. Чего?

ЛАРИСА. У настоящего мужика должен быть большой острый кадык и огромные руки, это говорит о его огромных сексуальных возможностях. Так мне рассказывала одна старая артистка, которая в этом знала ого-го какой толк. *(Смеётся.)* Пейте тоже, а то мы с вами в разных весовых категориях...

ТОЛЯ. С артистками выпью, прикольно! *(Хохочет.)* У меня руки маленькие, а ничего идёт, нормалёк, все довольны. Ну, я откровенно, раз вы так говорите.

ЛАРИСА. Прекратите. Какой вы мужик, вы мальчишечка. Мальчишечка глупый, на небо смотрите, банальности голубые про небожительство говорите. Что вы видели. Жизнь груба. Хотя играете, наверняка. Приняли меня за свою подружку, но я - знаменитая актриса, понимаете? Это вы девушкам своим пойте так: сначала многозначительно про небо, мол, как много в вас глуботы, глубины, а потом - раз-раз на матрас, так?

ТОЛЯ. *(Смеётся, палочкой листья ковыряет.)* А чего? На матрас - для здоровья надо.

ЛАРИСА. Пошляк. Это вам тоже Митя сказал? Тихушники. *(Встала, прошла к магазину, села на то место, где сидел её отец.)* Вот, спасибо этой “о”. Светит и я могу вас рассматривать. С некоторых пор меня успокаивают молодые лица. Я от них беру энергию. Брала. Очень похож. Похож, но не он. Всё равно, что артист играет короля. Но король - есть король, а играющий короля артист, так и останется играющим роль короля артистом.

ТОЛЯ. Чего?

ЛАРИСА. Не важно. С чего они взяли, что вы чернявый - не знаю. Я посижу тут. Вдруг мне придётся играть роль нищенки. Трамваи пойдут в шесть? Декорация какая-то будто, дыму в неё напустили и я сижу, бедная нищенка. *(Ноем, кривляясь.)* “Подайте бедной нищенки, бедной нищенки, мы погорельцы, у нас дом сгорел...” *(Молчит, улыбается, взяла горсть листьев, подбросила их вверх.)* Красиво! Листья с колосников бросают пьяные рабочие. Спектакль. Я играю в нём.

ТОЛЯ. *(Смеётся.)* А вы прикольная! Мне нравится! Вам сколько? Вы старая?

ЛАРИСА. Тише! Я говорю! Вы любите театр? Толя, один мой знакомый по имени Толя, очень любил, хотя, вернее сказать, меня в театре любил, когда я играла. Я очень хорошая актриса. Замечательная. Вы не видели фильмов с моим участием?

ТОЛЯ. Нека. А какие?

ЛАРИСА. Не важно. Конечно, не видели. Вы ведь другое поколение. Ну, ничего, и в этом поколении я оставлю след, всё ещё впереди. *(За балконным стеклом в полумраке Митя стоит, смотрит на Ларису.)* Это наш балкон? В смысле, его балкон?

ТОЛЯ. Ваш. Его.

ЛАРИСА. На балконе растёт укроп в ящике и картошка. Зачем? О, Россия, моя Родина, проснись, очнись, не брякай мозгами. Ну, что он стоит, смотрит, даже я вижу его, что он смотрит? Скажите ему, пусть идет спать. Где ваш Жулик, пусть он его укусит, загавкает на него. Жулик, сюда! “По-о-о-дайте погорельцам...” Стоит и стоит, тень отца Гамлета. Правда, что сказала ваша мамаша?

ТОЛЯ. Про убийство? Правда. А что такого? Ну, чпокнул его. Я своего тоже другой раз хочу. Дурило раз и пьянчуга. Мать говорит, что душа Митькиного отца переселилась в меня. Я верю. Я знаю, что Митька отца любил. Так вышло просто у них. Бывает. Митька хороший. Я Митю люблю.

ЛАРИСА. Кошмар. Люди в грязи любят всякие сентиментальные истории, я заметила. Бред, дорогой. Вы все душами поменялись, вы на небо смотрите, театр, декорация, листья падают, чтоб им игралось легче. Телевизора насмотрелись, да?

ТОЛЯ. Он мой отец. Мать сказала. Зорро не знает ишшо. Митька - отец. Мать с ним спала. Он в тюрьму. Она Зорро нашла. Зорро - гнида. Я его метелю другой раз. Мать запрещает сказать Зорре, что я - Митькин сын, а то бы я сказал. Скажу скоро. А может, знает. Скучно. Так скучно. *(Смеётся, палочкой листьев ковыряет.)*

ЛАРИСА. Вы произносите слово “скучно”, как будто это “кучка”. Все в кучке. Надо говорить “скушно”. И не “ишшо”, а “ещё”. У вас прыщики на лице. Какие страсти. Шекспир. Он ваш отец? Ужасно. И всё к тому же произносится односложными предложениями, как стихи. Не в этом ли подвале они вас и зачали? О, Россия, о, моя Родина, проснись, очнись, не брякай мозгами! Но я тут - Швейцария, сохраняю нейтралитет.

Анатолий лёг между трамвайных рельс, забросал себя листьями.

(Помолчала.) Эй, вы, вы что? Герой штаны с дырой?!

ТОЛЯ. Ложитесь рядом. Тепло тут. Всегда так делаю. И днём. Трамваи надо мной ездят. До утра трамваев не будет. Прикольно, развлекуха!

Лариса помолчала, легла рядом с Анатолием. Анатолий забросал её листьями, потом снова себя. Буква “о” мигает и отсветы от неё прыгают по кучам.

ЛАРИСА. *(Негромко смеётся.)* Авантюрист. Между рельсами положил. Кажется, понимаю, почему к вам в подвал бегают. Вы непредсказуемый забавник, развлекунчик, юморист! Мой Толя тоже... Не буду. Я о вас уже всё про себя решила, а вы взяли и удивили меня. Как хорошо! *(Хохочет.)* Лежим, две кучки листьев, пепла, две могилки - Ромео и Джульетта. Страшно, когда трамвай сверху едет?

ТОЛЯ. Нет. Чего страшного? Ничего страшного нету. Я думал, страшно кошку убить, шкуру с неё содрать. Попробовал - ничего. Нормально. Даже интересно посмотреть, как она мучается. Смешно даже. Вообще, ничего не страшно. Я думаю, и человека убить не страшно.

ЛАРИСА. Ну-ну, хватит, не наговаривайте на себя. Теперь уже ничему не поверю!

ТОЛЯ. Чему?

ЛАРИСА. Не поверю, что человек, который ложится в листья, может с кошкой так. Не врете. Вы решили на меня, актрису, произвести впечатление своей жестокостью, нравами? У вас не получится! Не поверю! Я же вижу - вы хороший. Хороший, хороший, хороший! Как хорошо! Пахнут листья. *(Тихо смеётся.)* Завтра уеду, будете писать в мемуарах, как со мной лежали в листьях между рельсами. Смешно! Приключение! Давно у меня не было приключений! *(Грохочут ящики в магазине, рабочие в полголоса переговариваются.)* В других городах шумы человеческие: дождь, шелест листвы. А тут - собака воет, кран гремит, ящики грузят, буква "о" мигает с шипом, треском, негр ходит, ступая на пятки, бесшумно, колокол звенит. Не думайте, что я московская штучка. Мне приходится ездить, зарабатывать. Спасибо Алексу. Это знакомый, не друг. Друг у меня был один. Но не буду, я выпила, чтоб не помнить. *(Выпростила руку из кучи листьев, высунула голову, выпила из горлышка, снова закопалась, смеётся.)* Как хорошо в листьях... Будто я какое-то маленькое насекомое, а это мой дом, я тут живу... *(Пауза.)* Я будто стала маленькой. Мы с отцом ходили в кино в детстве. Старый деревянный клуб, холодно, в нём печка топилась во время сеанса, пригород, мы жили в пригороде, клуб, очень похоже на ваш город. Я маленькая, я сижу возле сцены, на экране - кино. Сначала шли буквы. Читать не умела, кричала на зал: "Буквы, пока ещё буквы, сейчас кино начнётся!" - кричала, сидела на полу. И потом начинала, упреждая события, орать: "Сейчас этот пойдёт туда, а там в него выстрелит этот, а она его бросит, а он её полюбит!", на меня матерились, чтоб молчала, не портила масть! *(Смеётся, шевелит руками под листьями.)* Когда на экране целовались - голых при коммунизме не показывали, только поцелуи - кинщик проявлял инициативу, устраивал собственную цензуру: рукой водил перед объективом проектора, зал свистел, топал ногами, орал: "Не затемняй! Не затемняй, гад!" Дети ходили в кино по два раза - на взрослый и на детский сеансы, на взрослом поцелуи не затемняли, а детей пускали, по двадцать копеек с каждого была прибыль, и пускали. Зимой мы шли назад домой, по заснеженной дороге, светила луна, березы были в снегу, было светло, я всё вокруг тогда видела, у меня не было куриной слепоты, а мама с ужином ждала нас дома, она с нами не ходила в кино, вязала или ещё что дома делала. *(Пауза.)* Неужели это когда-то было со мной? Луна и берёзы в снегу. Кино, мама и папа. *(Пауза.)* Эй, вы, небожитель? Вы что там?

ТОЛЯ. Нет. Слушаю. Листья пахнут.

ЛАРИСА. Приеду в Москву - каждый день буду так ложиться в листья.

ТОЛЯ. Скоро зима. Листьев не будет. В Москве и зимой хорошо, да? Там прикольно. Там магазины, народу полно, девочки красивые ходят, я видел по телику. Там так хорошо, знать-то. Да?

ЛАРИСА. Ну-ну. Во-во. Ес-ес. Знать-то. Девочки. Что вы знаете про Москву, про жизнь артистки - подневольной, униженной, обиженной. Москва. На каждом углу по шакалу зубатому. Я приехала - была ноль. Надо было делать себе имя, знакомиться. Легла, да, легла. С тем, с этим. А сколько спилось нашей сестры. Зараза, это слова из какой-то пьесы, где я это говорила? Последние три месяца был у меня просвет, но в просвет влезла морда свиньи с рогами. Ай, какая я пьяная стала. *(Кричит.)* Кто мне дышит в ухо, кто тут?!

ТОЛЯ. Жулик прибежал.

ЛАРИСА. Идиот он, ваш Жулик. *(Села, отряхивается от листьев.)* Ну, хватит. Мне в рот попали грязные листья. Всё время думаю, что играю в пьесе, где я одна положительный герой, а все остальные - мерзавцы. Согласитесь, что эти люди тут все вокруг - весьма странные. Ваш лжепапанька и все, все, особенно этот. *(Тычет пальцем в окно на Митю.)* Хотя, может быть, он и добрый, но молчит, что-то думает и потому странно. Трамваи встали. Они устали. Сочинилось вдруг. Устала я.

Дверь подъезда со скрипом открылась, вышли сёстры-еврейки, между ними негр. Негр улыбнулся, блеснул в темноте зубами белыми, поднял шляпу, приветствуя Ларису, и скрылся, исчез в темноте. Сёстры хихикнули и тоже убежали. Лариса не двигается.

Вы видели? Видели?

ТОЛЯ. Что?

ЛАРИСА. Вышел...

ТОЛЯ. Кто?

ЛАРИСА. Негр. Негр, негр, негритос, у него зелёный нос.

ТОЛЯ. Никого не было.

ЛАРИСА. Не было? *(Молчит, смотрит в темноту.)* Толя, Толечка, дайте мне руку, сядьте рядышком, мне страшно стало...

Толя сел рядом с ней на кучу листьев, прижал к себе. Она смотрит ему в глаза.

Еврейки и негр побежали к киоску на трамвайной остановке. Вытащили маскарадные маски - свиные морды, натянули на себя, руками машут, смеются.

(Смотрит в темноту широко открытыми глазами.) Ящики с молоком грузят и потому грохот, да? Милый мальчик, поддержите мои руки так. Мне нельзя пить. Вся моя жизнь - набор случайностей, глупостей. У вас руки холодные, как ледышки. Я понимаю ваших девочек. Я актриса. Я бы хотела быть на месте ваших девочек. Что вы такое глупое и гадкое подумали? Совсем не то. Я бы хотела дружить с вами. Мне нужна только маленькая улыбка другого человека в жизни, более ничего. Вы такой хороший. Хорошо, что к кому-то можно прижаться, когда страшно, как к маме в детстве - испугаешь чего-то и прижаться. Он говорил мне: "Ваша трагедия - трагедия доверчивости, вы всегда всем доверяете". Так говорил мне он. Он был юный, совсем маленький, любил меня за мои роли, он меня не видел, моих героинь любил, глупый, а я играла с ним в этих героинь, лицемерила, как научили, вот и заплатила за это, надо было показать себя всю, сразу, я - плохая, гнусная, я любила его, и потому играла, врала, играла в чистую, честную, я хотела счастья, как я хочу счастья, милый Толечка, счастья, счастья, счастья. Вот вдруг вспомнила про кусочек счастья: я целовала его в живот. Вспомнила ночь, мы лежим рядом две кучки листьев, две могилки, и я думаю: пусть он не просыпается долго, пусть спит он на минутку больше, пусть снится ему рай, райский сад, птицы райские, листья зеленые, желтые, красные, красивые, пусть спит он долго и пусть моё дыхание, моё тело, моя душа не мешают ему, пусть длится это вечно... Вот, руки ваши взяла в свои и вспомнила это. *(Улыбается, смотрит в глаза Толе. Он держит её руки в своих.)* Вы как курица худенький. Нет, я курица, куриная слепота у меня. Ничего не вижу. Я так устала, милый. Ну, вот. Уже не страшно. *(Смеётся.)* Я хочу что-то такое сделать. Раз уж приключение. Чтоб запомнилось и вам, и мне. Вывозились в грязи, в листьях, пьяные, глупые. Стойте на коленях, повернитесь ко мне. Снимите рубашку. Так. Ближе, я вас потрогаю.

Анатолий стоит на коленях, до пояса голый, она гладит его тело руками.

Смешной! Не пугайтесь! Я много раз трогала мужчин, знаю, как они устроены, и не причиню вам боли, что вы так напряглись? С вами никто никогда не был нежен? Вы что, на комиссии в военкомате? Не напрягайтесь. Дайте руки. Вот так. Они уже теплее стали. Мы пьяные. Утром ни вы, ни я не вспомним про это, а сладость на губах останется. Я так хочу. Необычно так. Я хочу вспомнить. Нет, я хочу запомнить хорошенько это. Как будто это с ним. Я вас, милый, поцелую в живот, не дёргайтесь. *(Поцеловала.)* Первому встречному руки на плечи, говорил мне он книжную фразу... Что же ты сделала, свинья чертова. Эти свиньи в машине там, они были чёрного цвета, да, кажется так, они хрюкали, будто целый кузов чертей рогатых был там... *(Пауза.)* Ещё полбутылки есть. Выпьём? *(Хохочет, ткнула пальцем Толе в живот. Он смеётся тихо, она тоже. Молчит, смотрит на него снизу вверх, грозит пальцем, смеётся.)* Ничего не будет! Мадам шутит, веселится, развлекается! Мадам просто видит, что тут так много диких мужчинок! Одевайтесь. Насоблазнялась, старое корыто. Ну? *(Толя не двигается.)* Что глазки опустили? Ничего не

было. Был только один поцелуй на память, поцелуй в пупок, в маленькую ямку на животе, нежное прикосновение одно. Как лист осенний поцеловать, мертвый, жёлтый, холодный... Ночное приключение...

ТОЛЯ. *(Тихо.)* Пойдём, туда пойдём...

ЛАРИСА. Тише, тише, я же тебе как мама...

ТОЛЯ. Ну, ну, мама, хочешь меня, ты же хотела, хотела, не прикалывайся...

Быстро схватил Ларису на руки, прижал к себе, унёс в подвал.

Еврейки на крыше “хрущёвки” появились, вылезли откуда-то, давай танцевать, руками по бокам хлопать. Негр цукает их, хохочут, и хохот этот эхо носит от дома к дому...

Темнота.

УТРО

Мотоцикл всё так же стоит у подъезда. В подвале между трубами - топчан, на стенках повешены полки. На полках детали для мотоцикла, бутылки, банки. Ещё плакаты, на которых киноартисты с бицепсами.

Тут тоже листья лежат кучами по углам. В трубах булькает.

Лариса сидит, прислонив голову к стене, смотрит в маленькое оконце на улицу. Из этого окна падает в подвал лунный свет. В руках у Ларисы спичечный коробок, она время от времени зажигает спички и смотрит на огонь. Толя лежит на куче листьев. Скоро рассвет.

Возле мусорного бака две тени, два человека - ЗОРРО и МУЖЧИНА. У Зорро под мышкой ковёр, в другой руке - ведро помойное.

ЗОРРО. Кошки орут. Покурить пока. Постой, покурим. Да стой ты. Куда бежишь?

МУЖЧИНА. Ковёр хлопать будешь?

ЗОРРО. Поздно. Пусть спят. Проветрю его просто. Моль почакала его. Хотя можно и разбудить, и похлопать. Потому что форсмажорные обстоятельства. С Наполеоном ковёр. С живым. Продам вот ей его. Ей нужнее, поди. Для театра для её. Повесит там и напишут: “Подарок от Зорро - защитника бедных”, о как! И все будут спрашивать: кто такой? О как! Ты почему в четыре утра мусор выносишь?

МУЖЧИНА. Не знаю. Проснусь, сон страшный, до горла достанет как раз в четыре. Как раз тут именно выскочить надо, на улицу бежать и выкинуть, как грязь из себя выкинуть. Ведро заваниваться начинает, ровно в четыре уже дышать нельзя, и от того кошмары снятся. А ты почему?

ЗОРРО. Тоже заванивается. Та же история. А ещё темно на улице и никого нету, не видно никого, не надо придушиваться. А ещё мысли разные, о как. А ещё - звёзды. Тихо. Когда луна - ещё лучше. Я сразу детство вспоминаю. Мы с отцом шли из кина вместе. И зимой, и летом, а луна светила сильно, сильно, он меня за руку держал, чтобы я с тропинки не сбежал и в снег не проваливался. Был маленький, а вот - старый пенёк уже. И звёзды красивые ночью, да?

МУЖЧИНА. Красивые. И я из кина шёл. Мне в кине не нравилось начало, когда буквы шли. Идут и идут буквы, а надо ближе к делу в кине сразу, я так считаю. А потом ночью шёл из кина. И думал про артистов, что они - небожители, счастливые люди такие. С матерью мы ходили. И звёзды были. И небо. Ты знаешь, да? Мы ведь все скоро там жить будем, на небе. И ты, и я.

ЗОРРО. О, как? Правда? И ты, и я? И они все?

МУЖЧИНА. И они все. Будем там жить.

Смотрят на небо, молчат.

ЗОРРО. Врёшь ты всё. Докурил уже?

МУЖЧИНА. Нет. Не вру. Увидишь. Как мы с тобой по облакам пойдём за руки, так вспомнишь эту помойку и меня тутошнего. И тогда поговорим, и вспомним про эту жизнь, про нашу хрущёвку. Про ведро, про листья. Понял?

ЗОРРО. А как мы там жить будем? Там так же хрущёвки стоят? Так же всё? Я буду маленький или как сейчас, старый мудень? А? Ври давай, ночь, не видно глаз, обычно по глазам видно, что врут, сейчас не видно, что врешь, ври, я тебя знаю, вруна, ты в оперном в хоре поёшь и в церкви в хоре подрабатываешь, врун, ты вообще не русский, ты - негр, да? Давай, рассказывай сказки про Бога, ну?

МУЖЧИНА. Ни в каком я хоре не пою, и про Бога не знаю. Откуда у нас тут оперный, негр? Тебе сон приснился? Я Гена, наладчик на заводе.

ЗОРРО. О, как? Рассказывай, наладчик.

Еврейки с негром прошли мимо, исчезли у трамвайной остановки. Потом снова появились у пивного киоска, над которым лампочка горит. Из киоска рука высовывается, одну за другой подаёт еврейкам стеклянные поллитровые баночки с пивом, три штуки. Стоят, пьют сёстры-еврейки, что-то негру объясняют, на небо пальцем показывают.

МУЖЧИНА. Кто там пошёл?

ЗОРРО. Негр. Ещё один.

МУЖЧИНА. С кем он это?

ЗОРРО. С еврейками.

МУЖЧИНА. Они ж на пенсию пошли недавно, старые?

ЗОРРО. Ну и что старые? Всем охота.

МУЖЧИНА. Ну, пусть. Хлопай ковёр, хлопай. Выхлопаешь, сядь и полети - ковёр-самолет отвезет тебя на небо. Уже пора отчаливать, защитник бедных всех защитил уже, наладил тут порядок, нет? *(Засмеялся, ушёл в темноту.)*

ЗОРРО. Эй, ты, наладчик? Ты откуда? Ты кто? Куда лететь? На небо лететь?

МУЖЧИНА. *(Из темноты.)* На небо, брат, на небо...

Ушёл. Зорро встал, смотрит на небо, плачет, слёзы глотает. В соседнем дворе кто-то хлопает ковёр и щелчки летят вокруг домов. Жулик завозился в подвальном углу, во сне таякнул.

ЛАРИСА. *(Слушала разговор на улице, тихо.)* Что там за крестик у забора?

ТОЛЯ. Собаку похоронил.

ЛАРИСА. Жулика? Только что был живой?

ТОЛЯ. До Жулика была. Хлеб со стола украла, я её чпокнул. Много вокруг бегают собак бездомных, даже прикольно. *(Курит, пускает кольца в потолок.)*

ЛАРИСА. Пошевелиться нельзя, такой грохот от листьев. Высохли, ломаются, трещат. *(Пауза.)* Надо идти куда-то. Утро скоро. *(Пауза.)* Завтра в Москву. Возьму папу, и поедем. Сегодня сорок первый день уже.

ТОЛЯ. Поедем. Поедем, ага?

ЛАРИСА. *(Смотрит на улицу, на тополя.)* А для птичек эти коробочки на деревьях ведь не просто так, нет? Там стоят ловушки, да? Я не вижу, чувствую, так?

ТОЛЯ. Сетку ставлю, иногда попадается, потом с ними развлекаюсь, прикольно.

ЛАРИСА. Значит, вы не наговаривали на себя, нет? Тише, молчите. Тут тепло в подвале. В хрущёвках тепло. В хрущёвках всегда было тепло. Смешно. Ужасно. Лариса Боровицкая в подвале. Мало было один раз, решила продолжать, дура. И что на меня нашло. *(Хохочет.)* Я полюбила человека из народа. Лариса Бэ с человеком из народа Толей Гэ. Толя Гэ - не народ, Толя Гэ и есть "гэ". А Лариса Бэ вообще старая "бэ". Завтра домой. Я пойду домой. Ну, в эту квартиру. Лежите.

ТОЛЯ. Да ладно "тыкать", "выкать". После всего-то. *(Курит.)*

ЛАРИСА. *(Помолчала.)* Расскажу вам. Хотите правду? *(Быстро.)* Я забыла об их существовании. О маме и папе. Напрочь. Как лоботомия у меня была. Знаете такое? Когда никакой памяти. Забыла. Никакие видеокамеры не прибегали ко мне, когда стало известно, что они тут. Наврала, весу и значимости придать. Камеры, поклонники, да, да! Подружка-пьянчужка - вместе керосиним, два “синих чулка” - работает в отделе писем в этой газете и вот случайно письмо вашей - твоей, твоей! - мамы попадает ей, она звонит мне, как раз всё это с Толей, я больше месяца пила, ночь, день, пила и пила, потому что забыть, забыть надо было. У Алекса уже другая артистка, её возит, сволочь. Не едет сюда, за мной. Сколько заработал на мне, тварь. Хотел меня в дурдом запрятать или лечиться. Идиот. Что он может понимать в творческой личности, в художнике, во мне. Только деньги считать умеет. Про Алекса, вот. Он возит меня по деревням, где помнят Ларису Боровицкую. Однажды мне сказали после кина моего: “А не надоело старьё возить? Могли бы чего-нибудь и новенькое показать.” Стыдно. Какие концерты. Смесь Мадонны и художественного фильма “Кубанские казаки”. Скатилась с неба, упала, угасла. Скатилась и поломала себе все кости. А что делать? Я ничего другого не умею. Коробку с фильмом в чемодан и вперёд. Работаю вот ещё в театре. Играю мало. Ролей нет. Жду и жду. Знаете, кто единственные люди на свете, которые хотят работать? Артисты. Только артисты. Больше никто. Не знаю почему они всегда хотят ролей, ролей, ролей. Смеялся над Толей. Говорил мне: “Долго ты ему будешь ещё крутить мозги? Хочешь, расскажу ему какая ты на самом деле?” Так сказал, да. Подонок! От того, что он пару раз в наших турне видел меня в нетрезвом виде, он думает, что понимает меня до доньшка. Свинья. Я не списанный материал. Достоевскому не снилось. Комнатный философ. Комнатная собачка. Жулик. Алекс - вор и жулик. Ничего не будет. Ничего. Я спокойно могу сказать, что у меня уже всё было и ничего не будет. Были деньги, были поклонники, теперь всё нищее и нищее во всём. Осталось только мохнатое платье и шляпка от Сен-Лорана, купленная в киоске в аэропорту Орли, в Париже, и окрещенная мною: “От Сен-Лорана”. Хотя Сен-Лоран там рядом и не лежал. Туда я ездила сто лет назад на фестиваль делегацией. У меня всё было, ничего не будет. Я не могу сказать - будет. Ничего не будет. Где бутылка?

ТОЛЯ. Хватит тебе.

ЛАРИСА. Вам, вам!!! Дай выпить, дай мне, дай!!!! *(Пьёт, молчит.)* Вот, правда вся.

ТОЛЯ. Коню понятно было, без рассказа.

ЛАРИСА. *(Помолчала, выпила.)* Я к тому, что наша встреча была случайной и ничего она не значит ни для вас, ни для меня. Мне надо ехать. *(Улыбается.)* Ах, милый, хороший, симпатичный, красивый мальчик Толя, Толечка, имя какое, красивое, Толя-доля. Толяшечка, отчего всё так плохо в жизни, почему мир и жизнь так несовершенны, не знаете? Опять слова из пьесы какой-то. Всё как-то некрасиво, гадко. Иногда думаю: повеситься, что ли. Но нетушки. Фигушки-говнигушки вам. Обязательно скажут: пьяная в умат была и потому залезла в петлю. Будут шептаться, сплетничать, хихикать, смеяться. Так что: нетушки. Не доставлю я им, сволочам, этого удовольствия. *(Пауза.)* Странный подвал. Ловушка. Я в ловушке. *(Пауза.)* Если листья близко рассматривать, то можно увидеть какие-то профили на них. Будете писать в Москву? Приедете? Впрочем, нет. Я шучу. Я уже не смогу всё с начала. И не хочу играть в чистоту больше. Надоело. Либо такую, какая есть принимаете, либо вообще - адью. Понятно? Будете? Да?

ТОЛЯ. “Будете”, “будете”. Я с тобой поеду.

ЛАРИСА. Хамит мальчик. Со мной ехать? Конечно. Великолепно! Чудная мысль! Вы поедете со мной. Прямо сейчас. Что мы сидим в подвале? Ну да, сейчас пойдём на вокзал. Я поеду на поезде, а вы сзади на мотоцикле - “масасыкле”, и эдак вот въедем в Москву! Нет, я сяду сзади вас, прижмусь крепко и мы - рванём! Покорять первопрестольную! *(Хохочет.)* Знаешь что, Толечка, давайте я на вас, то есть, вы на мне женитесь? Очень хорошо. Вы молодой, на меня внимание обратят с этим браком, в газетах напишут. Сейчас

модно неравные браки. Годик побалуемся, похочем, потом я вас пристрою, устрою. Мы устроим бешеный бракоразводный процесс. А этот год - не бойтесь! - мы можем даже не спать. Заключим брачный контракт, чтобы вы не претендовали на моё имущество. А можем и спать. Вы не “голубой”, часом? Нет? Ах, да, я ведь только что проверяла, опытным путём “типа того что”, как говорит ваша мама. Ну вот. Я очень люблю “голубых”. Обожаю. У нас в театре мрак от того, что одни натуралы пузатые. А это значит многое. У натуралов - только один путь всегда. А “голубые” говорят: можно так, а можно и иначе; они говорят, что, может быть, это правильно, а может быть, и это. Нет? Не говорите, не важно. Налейте мне, милый. Ах, да. *(Пьёт из бутылки.)* Как-то я успокоилась. Папа там, спит. Господи, бедные, за что они мучались. Я вас после бракоразводного процесса устрою куда-нибудь танцевать в какую-нибудь рок-банду, они много ездят, зарабатывают. Итак, вы будете танцевать в рок-банде, договорились? Вы хорошо сложены, так похоже тело, ваше тело, на тело того мальчика, моего друга, что даже тут, в этом подвале-ловушке - хорошо сказано! - мне показалось, что... К чёрту, к чёрту! Не думать! Именно так будет: свадьба, развод, танцы. Танцевать умеете? Попробуем? Обниму вас. Два осенних листа танцуют, падая на землю, как красиво!

Обняла Толю. Молчат.

ТОЛЯ. Вот портфель этот - от твоей матери. Это я к тому, что мы дядьку тут оставим, ага? Зачем таскать? Портфель. От матери.

ЛАРИСА. От какой матери? *(Хочет.)*

ТОЛЯ. Они приехали с этим. Я сюда принёс. Мне портфель пригодится, складывать чего-нибудь. Тут фуфло было внутри всякое разное такое. Дядьку оставим. Можем и на мотоцикле, можем и на паровозе. Вдвоём только, ага? У тебя квартира сколькокомнатная там?

ЛАРИСА. Квартира? Какая квартира? Это мамин? Я не вижу. Я не понимаю вас? Мамин? *(Плачет, гладит портфель, подползла с ним к окошечку, к лунному свету.)* Чемоданчик. Портфельчик. Я вспомнила. Я всё-всё вспомнила. С этим, нет, с таким чемоданчиком ходил хромым дядя Гена, слесарь-сантехник, жил в нашем дворе, угрюмый, страшный, им пугали: “Спи, а то дядя Гена Булюляка придёт!” Булюляка - его фамилия была? Не помню. А по воскресеньям столы во дворе накрывали, выпивали и пели песни. Это его чемоданчик? В нём были железки блестящие, он кран перекроет, отремонтирует, однажды мама высыпала в раковину старое просо и оно, как цемент, забило трубы, и дядя Гена ругался, говорил, что вы врёте, что это просо, говорил, что это - цемент. У него был ключ, разводной, колёсико покрутишь и какую хочешь гайку открутить можно, он говорил про себя, что он не слесарь, а наладчик, наладчик, наладчик. *(Щёлкнула замками, вздрогнула.)* Когда забивают гвозди в гроб, то такой же страшный звук в тишине. На Западе знают, что это ударяет по нервам, потому сделали винты, шурупы, всё закручивается, разводным ключом, как у дяди Гены-наладчика, а не гвоздями... Почему на похороны Толи не позвали дядю Гену наладчика - не знаю. *(Молчит, улыбается.)* Ты знаешь, что там лежит?

ТОЛЯ. Жулик, ко мне иди.

ЛАРИСА. Жулик чёрный. Его не видно. Много чёрного цвета. Знаешь, что там?

ТОЛЯ. Знаю, смотрел.

ЛАРИСА. Это чужое. Почему смотрел?

ТОЛЯ. Да ладно ты.

ЛАРИСА. Что значит - “ладно”? Вы что себе позволяете? Тише, ни слова. Боюсь открыть. Дура, думаю, что там сидит маленький негритеёночек. Негритос, негритос, папу с мамочкой унёс. *(Открыла чемодан. Достала салфетку, полотенце с петухом, коробку из-под чая.)* Это мамино. Я вспомнила. Я всё-всё вспомнила. Эти сорок дней меня отрезвили. Всё, прекращаю. Я больше не буду. Я всё-всё помню. Я всё вспомнила, все свои корешки. Я

завтра же буду, начну жить иначе. Буду помнить, что я чья-то дочь, что у меня мои родители!!! Вся Россия должна очнуться, взбодриться, не брякать мозгами!!! *(Открыла коробку, вынула бумаги, чиркает спичками, читает, улыбается.)* А это? Документы?

ТОЛЯ. Документы.

ЛАРИСА. Это чужие. У моих другая фамилия. И у меня не эта фамилия. У меня - Боровицкая. Я диплом, я в универе, это прекрасная фамилия, я знаю, я не могу, это не мои родители...

ТОЛЯ. Не твои, говорю ведь. Я и сказал, чтоб не таскала его за собой. Поедем, да? Поедем вместе, да? Сколькокомнатная у тебя там?

ЛАРИСА. Сколькокомнатная. Многокомнатная. Ловушка многокомнатная. Маленькая, прикольная ловушка. Вы мне “тыкаете”? *(Встаёт.)* Не повод для знакомства то, что мы с вами тут, в подвале вот это вот сделали... Да, да, в Москву на мотоцикле. Или трёх свиней впряжем в сани и поедем. У меня Алекс, у меня концерты, у меня жизнь. Я это всё ваше тут ненавижу и ненавидела всегда! А это не мои... *(Толя стукнул кулаком по портфелю.)* Но-но, мальчик, тихо. Тот Толя звал меня на “вы” и не позволял таких слов, какие вы говорите, и вы - не он. Мы с вами только увиделись, что вы злитесь? Я не виновата, что вы вот где, а я вон где. Может быть, что и под фальшивым “Адидасом” бьётся горячее сердце, но я - “Сен-Лоран” люблю, тихо, не возражать мне... Значит, я приехала, я сижу тут...

ТОЛЯ. Старая ты. Врёшь ты всё. Сука, сука, я же говорю - все бабы суки, обещала вот только что...

ЛАРИСА. Кто чего обещал? Я? Я хотела вас всех за доброту отблагодарить! А ты? Ты знал, да? И она знала? Ах ты, Ванька из Криворожья, помесь негра с мотоциклом, свинья! И я приехала?! Вот моя трагедия - трагедия доверчивости, как у Отелло! Я всем и вся доверяю! Боже мой, Боже мой! Я-то думаю, эти люди приютили моего папу, мою маму, а это совсем чужие! Чужие! Я же вижу: не похож на папу, не похож! Что ж я такая глупая? Завтра приедет Алекс, он зачем мучался, мучается сейчас в грязном вагоне? Конечно, это не он, не отец! Мои дома! Они дома, в маленьком бревенчатом домике в восьми часах езды от Москвы, но в другую сторону, а я - тут?! У них нет телефона, как позвонить?! Он знал и не сказал мне!!! Со мной он поедет! Пупок развяжется, милый!! Всё наоборот! Свет! Дайте свет! Почему так темно в этом театре?! *(Разбрасывает листья, хохочет.)* Пошли, разбудим этого дядечку, чтобы не нарушать ему нервную систему, он меня тоже принял за дочь, рассердился, не здоровался со мной, обиделся, разбудим его, извинимся перед ним! Хорошо, хоть я не поехала на могилку к чужой тёте! Я только и знаю, что езжу по могилам! Хватит! Моё платье всё в листьях, что мне за это Слава Зайцев скажет, шляпка от Сен-Лорана испачкалась! Дура пьяная, приехала, мощи святые собралась выкапывать, идиотка, дура! Впрочем, надо съездить к ней на могилку, надо быть великодушной, доброй ко всем, художники великодушны и добры к своему народу, до свидания, мой дорогой, я многое поняла благодаря этой поездке, я поехала, разбужу его, да, да, я с катушек поехала в этом доме! Будите его! Лариса Боровицкая будет с ним прощаться! Мне надо ехать! Алекс, всё впереди, будем жить, не хороните меня!!!!

Бежит из подвала, падает, поднимается, дёргает за ручку двери подъезда, кричит, колотит руками и ногами в дверь. Из подъезда в ночных рубашках выскочили сёстры-еврейки, Митя, Зорро и Наталья. Лариса кинулась в подъезд, бежит наверх, вбегает в квартиру, бросается к постели, тормошит отца.

Дядечка, дядечка!!!! *(Молчит.)* Он не шевелится. Дядечка не шевелится... Я говорила вам, что будет третья смерть, говорила, вы не верили, третья смерть, третья смерть, третья смерть!!!!

Прибежали все, встали у постели отца. В подвале собака завывала. Толя вышел к рельсам, лёг между ними, забросал себя листьями. Во дворе кто-то хлопает ковёр.

ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС

Конец первого действия

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

ДЕНЬ

Прошло три дня. Там же. “О” мигает, кран ездит, колокол звонит, падают листья с тополя, пакеты из-под молока на деревьях раскачиваются, трамваи ходят, искры летят. Мотоцикла возле подъезда нет. Везде висит выстиранное бельё: в квартире Мити, в подвале, на крыше, на балконе. У дома между тополями верёвка натянута и на ней тоже простыни, пододеяльники, наволочки, накидушки, вышивки, выстрочки, выбивки, вязание. С белья на пол, на листья сушеные капает, стекает струйками вода. С балкона ручеек бежит.

За столом сидит Лариса, Наталья, Митя, еврейки-близняшки. Наталья к себе сумку прижимает. Лариса сидит, ногами в пол упершись, на стуле. У неё на голове завязано полотенце как тюрбан, на коленях лежит салфетка. В одной руке у неё банка из-под чая, в другой - букет желтоголовой пижмы.

ЛАРИСА. Я говорила вам, что будет третья смерть, говорила, вы не верили, третья смерть, третья смерть. Сколько тут в этой квартире умерло уже. Эта женщина со своим мужем, их сын, потом Митина мама, потом бабушка, потом папа Мити, потом моя мама, ну, та женщина, которая была вроде бы как моя мама, и вот теперь этот дядечка. Страшно. Я боюсь ехать и в Москву. Там всё напоминает о его смерти. Високосный год. Страшно. Мне одно спасение - работа, роли. А их нету. Три дня я хожу на конечную остановку, стою с цветами до темна, пока глаза ничего не видят, а его нет и нет. Телефон не отвечает в Москве. Ничего не понимаю. Но что делать - у меня нет денег, можно было бы концерт организовать, но я не умею, у меня нет организаторских способностей. Надо выкинуть эти цветы. Правда, я их на пустыре нарвала. Эти цветы как называются? Не куриная слепота?

НАТАЛЬЯ. Куриная слепота весной. А сейчас осень типа того что. Это пижма.

ЛАРИСА. Осень, помню. Везде листья. Красивые цветы. Пижма, фижма, рижма.

НАТАЛЬЯ. Желтенькие. Говнистого цвета. *(Сёстрам.)* Тихая какая, слышите? К вечеру так орать будет - кошмаревич. Пока про цветочки говорит. Вот ведь человек-то, ведь что делает водка: жёлтая вода в голову ударяет.

ЛАРИСА. Что вы там говорите?

НАТАЛЬЯ. Да так, постольку поскольку типа того что.

ЛАРИСА. Надо, всё-таки, организовывать концерт.

НАТАЛЬЯ. Да какой концерт. Итак концерт. *(Сёстрам.)* К вечеру ни рю, ни мя уже, на рогах. И Толька, как с ума сошёл, с ней пить стал. И гоняет, гоняет вокруг дома на мотоцикле, разобьётся вот и всё, зачем я тогда жила, раз сына не станет, я ж шутила про его смерть-то типа того что, я ж хотела, чтоб красиво было про него, а то он злой, драчливый. И Митька нет-нет, да выпьет с нею. Правда, Зорро перестал. Я б сама от всего напилась, да мне нельзя пить, я была в окружении Лещенко. Я чуть-чуть, и сразу пьяная. Это значит - я алкоголичка? Или физически слабая я, или психически. Выпью - и пьяная типа того что. *(Помолчала.)* Сегодня шла и вдруг вижу: наш дом-то стоит на горе. Никогда не думала, почему мне так трудно идти к дому. Дура вот такая. Сто лет к этому дому ходила и вдруг только сегодня увидела. На горе, ага, девочки. На горе стоит, огоньками светится, уютненький типа того что. Вот почему в подвале нету сырости, вони. Поняла теперь.

ЛАРИСА. Опять она мозгами брякает, не даёт говорить.

НАТАЛЬЯ. Что?

ЛАРИСА. Ничего. Всё будет хорошо, Ларочка, всё будет хорошо. Три дня погостила, хватит. Поехала я. Ну вот. Толя хотел ехать со мной, где же он?

НАТАЛЬЯ. Как же. Он совсем, думаете, с головой не дружит? Это мы дураки, подбираем всяких, хороним вот, сколько денег затратили, он и не насобирал столько у магазина, еле-еле гроб сделали по блату Зорре друганы-алкаши. А Толька не дурак, не думайте типа того что.

ЛАРИСА. Я постирала вам всё, пусть будет на память. Стирала без порошка, нет денег. У Мити не могу занять, стыдно.

НАТАЛЬЯ. На порошок стыдно, а на водку не стыдно. И что пьяная в умат каждый день - не стыдно. Сижу вот, сторожу, а у меня сидячий нерв болит.

ЛАРИСА. Седалищный, милочка. Седалищный. Вы все время шмыгаете носом и себе под нос что-то такое гадкое бормочете, я не слушаю, не хочу слушать, оберегаю свою ауру. Тише, ни слова, хватит возражать.

НАТАЛЬЯ. Прямо командир типа того что. Такую строгость напустит, я аж молчу сразу, пугаюсь, слышите, Сарочка, Двойрочка?

ЛАРИСА. Этот рисунок на стене - распутство, разврат. У меня книжка была желтенькая в детстве, китайская сказка про нарисованного в ресторане на стенке журавля. Он танцевал, когда было много посетителей. Желтенькая книжка, желтенькая сказка, помню. Но потом - журавль ушёл совсем из ресторана. Отчего - забыла. Вот этот профиль мне напоминает этого журавлика из сказки, нарисованный профиль, никогда не встанет со стенки, потому что его никто не просит танцевать. Нам, художникам, тоже нельзя опускаться и танцевать "Казачок" перед кем попало. Особенно, если нас не просят. Я думаю, вы меня не забудете. Я гениальна, а вы знаете, какой заряд передаёт талантливый человек другому при общении. Огонёчек передаётся от моего сердца к вашему. Передался, да ведь? Так?

НАТАЛЬЯ. Да ведь, так. Гений среди удобрений. Не забудем, ещё бы, артистка, взбаламутили наше болото типа того что.

ЛАРИСА. *(Помолчала.)* Брякаю и брякаю мозгами, надо ехать. *(Пауза.)* Почему я сижу со всем этим в руках, не знаете? Как Фемида. Кого я тут решила судить? Нет, я буду играть Клеопатру и вхожу в образ. Некому мне судить. Всё. До свидания. Будьте здоровы. *(Пауза.)* Ну, я поехала.

МОЛЧАНИЕ.

Сегодня сорок третий день без Толи.

НАТАЛЬЯ. Какой Толя? Никакого Толи тут не было и нету. Был, да вышел весь.

ЛАРИСА. До свидания. Поеду. Хотя страшные предчувствия что-то сегодня. Мне снилась грязь. Это к богатству или к грязи. В буквальном или в переносном смысле к грязи? Тише, не надо. Всё будет хорошо, Ларочка. Я верю, верю, что всё сложится в России, всё станет хорошо и в России, и у меня - частицы моей Родины.

НАТАЛЬЯ. Про Родину, ага, на себя бы в зеркало глянула.

ЛАРИСА. Митя, слышите? Я не дорассказала вам про Толю. Рассказываю. Вы же меня понимаете? Более никто тут. Какой хороший был мальчик. Он только начинал бриться и отпустил усы, они были колючие, а лицо нежное. Какой был. "Всё будет хорошо, Ларочка" - говорил. А потом погиб. *(Молчит.)* Я приехала туда, на место катастрофы и хотела умереть. Встала там, на мосту, и думаю: вниз головой сейчас, на автостраду, чтобы разбиться и быть раздавленной под машинами. Встала, смотрю на закат. Смотрю. И подумала: "Господи, как ты сделал эту красоту? Зачем ты сделал эту красоту, зачем ты её сделал, Господи, зачем? Чтобы всё сгнило, умерло, и деревья, и животные, и воздух - всё, всё. И я, и человек другой, что идёт на горизонте. Зачем мы все жили, для чего, для чего, в чём смысл этого всего, кто может сказать?" Свины-черти похрюкивали в кузове,

кузнечики трещали в траве, мигалка милицейская сверкала, раздражала. И подумала тогда: Бога нет. А есть всё просто так, бессмысленно, низачем, нет никакой великой мысли в этой красоте, никакой, глупость одна, бессмысленная красота - более ничего. И от того, что вдруг поняла, что Бога нет - решила жить. Потому что другой жизни не будет. *(Встала, сняла мокрую простынь, завернулась в неё, молчит.)* Вот, теперь я как греческая жрица.

НАТАЛЬЯ. Надо в церковь молиться ходить и думать про переселение душ. В Москве церковей много, вот вы и ходите. Идёте другой раз мимо - зайдите, помолитесь и сразу легче станет. В церковь ходить надо, как я, верить в переселение душ типа того что.

ЛАРИСА. *(Села.)* От того, что я иду в церковь, молюсь, крещусь и плачу вовсе не значит, что я молюсь, крещусь и плачу. Судя по вашей религиозной активности, уж не были ли вы в прошлом секретарем комсомольской организации, нет?

НАТАЛЬЯ. Была. В больнице в нашей. Я же в регистратуре всю жизнь, с бумагами всё время, вот меня и назначили. Была, а что?

ЛАРИСА. Ничего. Так. Оно и видно, что была. *(Подставила баночку из-под чая под струйку воды, смотрит внимательно, как вода с простыни капает в банку.)* Каждый день жду Алекса. Хожу по городу, меня не узнают, не просят автографы. Сегодня там крутились на остановке эти близняшки. Остановка - восемнадцатый трамвай, конечная. Так называется - "Конечная". Поразительное название. Хоть бы назвали "Тополиная", "Вишнёвая", или "Горизонт", или даже "Стройка". А то - "Конечная". Они там стояли с негром. Стояли и пили пиво, пенное, из таких стеклянных полулитровых банок, в которых сдают на анализы кал и мочу. Может быть такое?

НАТАЛЬЯ. А чего не может быть? Они же пьющие, они на пенсии. Пейте пиво пенное, морда будет здоровенная. *(Подмигивает близняшкам.)* Может. Ага. Кал и мочу, типа того что. Задавака, ох и задавака. Видите, девочки: купирование надо, сейчас начнёт.

ЛАРИСА. Что вы сказали?

НАТАЛЬЯ. Ничего.

ЛАРИСА. Хорошо я всё выстирала, всё белое, чистое. Что-то в этом есть от вечности, от вечно белого чего-то, от этих простыней, наволочек, вышивок, кружев. Их у вас так много, Митя. Это от мамы и бабушки осталось? Я так и поняла. А спите на матрасе, набитом листьями. *(Пауза.)* Тут так же тихо и страшно, как и у меня в той комнате, в которой я жила в самом начале в Москве. Не было мебели, не было ковров, было пусто, впереди была новая жизнь, я была счастлива, было тихо, трамваи стучали один за другим за окном с пяти утра до двух ночи. Я ждала роли, ждала звонка режиссёров и, чтобы не пропустить долгожданного звонка, первое, что я себе купила и поставила - был автоответчик. Три дня телефон молчал, никто не звонил. Я пошла на улицу, позвонила себе из телефона-автомата и сказала на плёнку: "Здравствуй, Ларсик, - сказала, - как ты поживаешь? Всё будет хорошо, Ларочка, всё будет хорошо." Бедный мальчик, успокаивал меня, говорил так, а сам умер. Мне давно не звонит никто. Знаете, что я подумала? Небо везде одно. Вообще всё в жизни очень похоже. В Москве есть пруд и тут. В Москве телебашня рядом с домом и тут. В Москве купленная картошка чернеет через три дня и у вас, Митя, тоже. В Москве я живу без денег и тут. В Москве я одна и тут. В Москве везде спрашивают: "Кто последний?", а тут: "Кто крайний?" Я крайняя, я. *(Пауза.)* Нет, я живу, я нужна, я жива, я буду жить. Боже мой, дальше мне надо идти, дальше, босиком по дорожке, посыпанной разбитыми бутылками. Бедная кошка, умерла. Я не говорила вам, Митя? Я позвонила в Москву: кошки нету, сказали. Умерла. Ушла без меня и умерла. Кошки уходят умирать, знаете, да? И другой не будет теперь уже кошки, умрёт. Хотя зачем держать дома животных? Не надо держать и их любить. Все держат. Только это не любовь к животным, нет, Митя, это - эрзац: что-то среди людей не в порядке, люди в толпе от одиночества сдыхают, потому-то заводят кошек, собак, хомячков, змей.

НАТАЛЬЯ. Ну да, типа того что, звонила она. *(Сёстрам.)* Ну про всех она судит, рядит, про всех она на место ставит всех, ну что за человек, вот ведь беда что делает с человеком, а ещё артистка ведь и правда.

ЛАРИСА. Что вы всё время говорите, я вас не понимаю? Вы по-русски?

НАТАЛЬЯ. Нет, по-иностранному типа того что.

ЛАРИСА. Толя не пришёл ещё? Мне ехать. А у нас с ним были некоторые планы.

НАТАЛЬЯ. Никаких планов. Мы в говне родились, в говне помрём, никто никуда не поедет, не думайте. Какие планы?

ЛАРИСА. Нет, так. Если он вам не говорил, зачем же я буду. *(Пауза.)* У Алекса на подбородке ямка. Я сегодня вдруг подумала, что ямка на подбородке только у дегенератов, идиотов и дебилов. Чтобы слюни плавнее стекали с губ, в ямку. Не для красоты, нет. А потому что это практично. Фу. Ямка на подбородке.

НАТАЛЬЯ. У меня тоже ямка.

ЛАРИСА. Правда? Да. Ямка, будто её обрабатывали каким-то инструментом.

НАТАЛЬЯ. Надфилем. Или рашпилем. И у Толика ямка.

ЛАРИСА. У Толика на животе ямка.

НАТАЛЬЯ. Вам виднее, я его не раздевала, на живот не заглядывала.

ЛАРИСА. Шла с вокзала по улице, нищий закричал: “Не доставай свои деньги, Боровицкая, не надо, не возьму!” И матом, матом меня. Может быть такое?

НАТАЛЬЯ. Может. Узнал, типа того что.

ЛАРИСА. Митя, я вам открою тайну. Меня никто не может узнать. И в газетах про меня ничего никто не напишет. И правильно, и замечательно. Я не рок-звезда, чтобы обо мне писали в каждой газете. Я - художник, творец. Я талантлива. Я ужасно талантлива. Если б вы знали только, как многое я могу. В трудностях познала жизнь и смогу теперь сыграть, что угодно.

НАТАЛЬЯ. Да уж. Про что-нибудь красивое теперь играть будет, в платье блестящее красивое нарядится. А про подвал наш забудете. Но мы не забудем.

ЛАРИСА. Вы не выведете меня из себя, не старайтесь, я не слышу, я разговариваю только с Митей, не с вами. Тише! Митя, был у нас в театральном институте на курсе один студент, разнервничался на выпускном, когда дипломы вручали, заплакал, сказал громко, со слезой: “Вы обо мне ещё услышите!” Прошло двадцать лет. Его не слышно, не видно, и где он - никто не знает вообще. Где он теперь. Может, он в вашем городе живёт. И работает на заводе, к примеру, наладчиком. *(Пауза.)* Ну, что же. Я поехала, Митя?

НАТАЛЬЯ. Да ступайте. Третий день собирается, а, девочки? Она теперь всё с Митей, его охмуряет, с Толькой не вышло. Толька её стукнул вчера аж, на поминках, как выпил крепко, она над ним всё надсмехалась, мол, костюм фальшивый на нём, типа того что. Билет-то взяли, нет? У вас ведь денег нету?

ЛАРИСА. Ну, что вы. Я богата душой.

НАТАЛЬЯ. А вы душой за билет заплатите? Или проводнику чем другим будете платить? Я заметила, что вы умеете так быстро сходиться со всеми.

ЛАРИСА. Встречный вопрос. А вы почему не в регистратуре регистрируете? Дома сидите? Шли бы.

НАТАЛЬЯ. Мне интересно, что дальше будет, я полдня отгул взяла. Проконтролировать кой-чего надо. А то тут некоторые на небо собрались.

ЛАРИСА. Вы про Толю? Он не умрёт, он будет жить долго. Он сильный, красивый мальчик. С него надо только снять этот налёт пошлости, который есть, фальшивый “Адидаас”.

НАТАЛЬЯ. Ну да, снять. Всё бы вам что-нибудь с кого-нибудь бы снять. Ты, Митька, по ночам тут ничего не снимаешь с себя типа того что, нет? Рассказывает басни про

журавля в небе или на стенке. Видите, девочки? Смотрите внимательно, я говорю: купирование! Я в больнице столько проработала, сама врачом стала. А вы не верите!

ЛАРИСА. Всё будет хорошо, Ларочка, всё будет хорошо.

НАТАЛЬЯ. Это вы всё одно и то же повторяете, это поговорка ваша типа того что. Народное?

ЛАРИСА. Это не народное. Это благородное, милочка.

ПЕРВАЯ СЕСТРА. *(Прочистила горло, вступила в разговор.)* Он нам чисто так сказал: “Тётки, вы тут не выходите, вы объявление слушайте чисто так”.

Все вздрогнули, вперили глаза в сестёр.

ЛАРИСА. Кто? Негр?

ПЕРВАЯ СЕСТРА. *(Посмотрела на Наталью, кивает головой.)* Негр. С нами ехал. Чёрный-пречёрный. Аж иссиня такой чисто так. И вот говорит негр мне: “Водитель только что передал по радию, чтоб старухи не высаживались сейчас чисто так, везут сразу их всех рейсовым автобусом в крематорию чисто так”. А я ему чисто так говорю: “Зачем мне в её, мне в её не надобно”.

ЛАРИСА. Куда?

ВТОРАЯ СЕСТРА. В крематорию чисто так.

МОЛЧАНИЕ.

ЛАРИСА. И камни заговорили.

СЁСТРЫ. А?

ЛАРИСА. Я говорю: вот народец странноватый живёт вокруг - то молчат, как немые, а потом заговорят и думаешь - лучше бы уж молчали бы и дальше. Такая странная и сомнительная компания эта наша октябрятская звёздочка. Не дадут мне с Митей поговорить.

НАТАЛЬЯ. Ох и задавака же. Богатая. Поди, натошак не курит, по телевизору её показывают, а чего. В платье мохнатом сидит, не снимает который день, как шкура оно у неё, несъёмная. А говорит: платьев полно. Пустая сумочка, я проверила. Все богатые - жадные типа того что. Вот где её родители? То-то вот. Вот какая болезнь, видите, девочки?

ЛАРИСА. Да, да, я всё хуже и хуже стала видеть. Куриная слепота преследует меня даже днём.

НАТАЛЬЯ. Тына-тына-умартына широкая улица, по тебе никто не ходит ни петух, ни курица. “Преследует”, “куриная”.

ЛАРИСА. Что?

НАТАЛЬЯ. Так. Песню пою типа того что.

ЛАРИСА. Мне надо ехать, но я не могу встать, потому что сижу и жду: сейчас раздастся звонок, как в кино, и меня пригласят на главную роль. О, Достоевский!

Звонок телефона.

(Берёт трубку.) Алло? Нет, это не вокзал. Хотя очень похоже. Много отъезжающих. Я говорю: много народу, сидят, ждут чего-то, к себе сумки прижимают. Что? Куда электричка вам нужна? Она отойдёт сейчас с третьего пути, бегите скорее. *(Положила трубку.)* Плохо как он говорил по-русски. Это был негр, наверное. Негр из Зимбабве. Куда-то я его послала, куда-то он поехал, заблудится теперь в России в заснеженной, и будет ходить до скончания веков, шкуру на себя наденет, и станет пугать деревенских жителей, когда время от времени будет выходить из леса на столбовую дорогу. Негр позвонил. Негры кругом чёрные. И я в чёрном. Правда, чёрный цвет даёт строгость. Неправда, что старит. Да я и не старая. Неправда, что белый молодит. Может, кого и молодит. Молодильные яблоки. Чёрный тоже может иногда что-то сделать. Что-то такое в женщине подчёркивать.

Чёрный цвет. Чёрный негр ходит. Чёрный цвет. В реке плавает длинный такой чёрный волос, он присасывается и пьет кровь. Называется он “Конский волос”. Не надо купаться в речке, в озере. Присосётся чёрный конский волос или чёрная пиявка и тогда...

НАТАЛЬЯ. Пить можно по-чёрному ещё типа того что, слышите, девочки? Вот они, артистки-то. А ещё по телевизору нас учат жить как надо типа того что.

ЛАРИСА. У вас возле дома, там, где Толя собачку похоронил, ограда сделана из лыж.

НАТАЛЬЯ. Зорро на турбазе работал, лыжи списали, мы из них забор сделали. А что? Опять не так, не по-вашему, не по-московски? Снова не угодили?

ЛАРИСА. Мне всё равно, просто так спросила. Лыжами огородились. На лыжи банки стеклянные сушить повесили. На балконе растет укроп, две штучки, две веточки, рядом картошка. Зачем на балконе картошка. Цветы бы посадили.

НАТАЛЬЯ. Ваша мама посадила ещё.

ЛАРИСА. Разврат, распутство. Где же Толя?

НАТАЛЬЯ. Меня прям аж подпрыгивает, когда она про разврат свой, распутство говорит, вот ведь человек, а сама, сама...

ЛАРИСА. Что?

НАТАЛЬЯ. Ничего.

На улице сова кричит. Лариса вздрогнула.

ЛАРИСА. Да что это такое опять? Мотоцикл подъехал? Толя?

НАТАЛЬЯ. К Люське пришёл “охотник”, совой вызывает, чтоб подъезд открыла. Она маму похоронила, теперь одна в двухкомнатной квартире, водит мужиков одного за другим, радуется. Любовник, говорю, пришёл к Люське Белоглазовой. “Белый зад” мы её зовём.

ЛАРИСА. Почему “Белый зад”, а не “Белый глаз”? Впрочем, не отвечайте. Охотники тут живут. Чинганчуки, Белые глаза, индейцы. Прерия. Вы сидите будто журавль, голову вперед, спина прямая. Вы ведь молодая ещё, что вы как старуха.

НАТАЛЬЯ. Ох, задавака, видите, девочки: купирование надо, слышишь, Митька?

ЛАРИСА. *(Пауза.)* Митя, вот ведь горе. Я должна остаться тут, я никуда не поеду. Я не могу ехать в Москву, я не могу ехать к маме с папой, я не могу ехать на концерты по стране, по великой моей стране, непонятной и странной, нести культуру в массы. Не могу. Я должна сидеть здесь. Потому что я могу разминуться с Алексом. А вдруг он меня потеряет, заблудится на просторах Родины, и тогда что? Как он без меня? Или я без него?

НАТАЛЬЯ. Заблудится, ага, на просторах Родины чудесной, закаляясь в битвах и в труде, мы сложили радостную песню о великом друге и вожде. Сейчас санитар и поедете, попозже. Какие пошли дети, вы видите? Верка, с пятого этажа-то, которая товару красного и чёрного привезла много на похороны, вот, Сара, сравни, как она маму похоронила и как эта, из третьего подъезда, Люська “Белый зад”. Верка с пятого этажа ой и переживала: плачет, всё время плачет, кричит, окна откроет, чтоб слышно было, а на улицу пойдёт - где народу побольше в обморок упадёт. Вот как надо переживать. А “Белый зад”? Одного за другим таскает, ей совой все под окнами орут, всё враз забыла. Хотя у всех все помирают. Старики помирать когда-то должны, значит - правильно. А вот ещё одна из первого подъезда, ездит всё аж из Москвы. Говорит - к маме на могилку еду. Раньше надо было ездить. Не на могилку цветочки - куриную слепоту садить типа того что.

ЛАРИСА. Вас хлебом не корми - дай про похороны, поминки, переселение душ рассказать. Вам вчерашних похорон мало было? Как ворона летали, радовались, распоряжались, покойника пудрили, меня чуть не стошнило, я видела, пудрили покойника! Зачем?!

НАТАЛЬЯ. Чтоб выглядел лучше. А что, не так? Чья бы корова мычала... Где Зорро, где его санитар?!

ЛАРИСА. Митя, говорят, куриная слепота возникает от недостатка витаминов, растворяется зрительный пурпур палочек сетчатки глаза. Мне говорили, что масло и ещё что-то такое не усваивается печенью. От этого кожа сухая. А мне кажется - вранье. Просто тем, у кого хрупкая душа даётся возможность часть суток не видеть мерзотину эту, что вокруг, а только лёгкий голубенький туманчик, облака, небо.

НАТАЛЬЯ. Ой прям, мерзотину, мерзотину, разврат, распутство. Задавака, задавака, да сколько я тебя слушать буду, терпеть?! А ну, отвечай! Кто сегодня в подъезде ночью спал, а? На полу?!

ЛАРИСА. *(Пауза.)* А может, его убили по дороге?

НАТАЛЬЯ. Кого убили, кого!?

ЛАРИСА. Алекса.

НАТАЛЬЯ. Убили, как же. По-вашему, по-московскому, у нас тут только типа того что убийцы и живут, и все мрут, и убивают друг дружку. Нетушки. Живём.

ЛАРИСА. Или, может быть, он прошмыгнул в темноте, ходит теперь по городу, на каждом перекрёстке негры стоят, а он ходит и ищет этот дом, не может найти. Надо по радио объявления сделать. Чтобы на площади передачу сделали в громкоговоритель: “Алекс, Лариса Боровицкая тебя ждёт по адресу такому-то и такому-то, иди спокойно, негров не бойся.”

НАТАЛЬЯ. Передайте сходите.

ЛАРИСА. А вы знали, что они не мои родители? Вы видели эти документы?

НАТАЛЬЯ. Видела, конечно.

ЛАРИСА. Зачем же вы мне написали? Зачем вовлекли в этот кошмар? Я как муха тут запуталась, не могу выбраться.

НАТАЛЬЯ. А дура была - так и написала. Для интересу: дойдёт или не дойдёт до вас. Я вас не помню и в каком кине видела. Написала. Я из окружения Лещенко, меня всегда тянуло к артистам типа того что.

ЛАРИСА. Тянуло к артистам. Я позвоню ему. Пусть он вам привезёт полк, легион артистов. *(Набирает номер.)* Алло, Алекс? Ну да, рано, прости, разница во времени четыре часа. Или два - не знаю. Подбрось нам культурки, привези сюда артистов, напихай полный кузов негодяев и привози, тут своих не хватает. Хорошо. Просыпайся и перезванивай мне. *(Положила трубку.)*

НАТАЛЬЯ. Не соединялось ведь, с кем вы говорили?

ЛАРИСА. С кем надо. Не контролируйте меня, милочка Наталья Алексеевна. Вы вообще свободны как негр в Африке. Коза.

НАТАЛЬЯ. Кто?

ЛАРИСА. Вы. Коза-регистраторша. Коза-дереза. Переселение душ типа того что.

НАТАЛЬЯ. Мне стукнуть теперь?

ЛАРИСА. Коза может стукнуть. Типа того что. Рогами. Рожками. Копытцами. Всё. Надо дело делать. Я пойду, постираю ещё.

НАТАЛЬЯ. Я тебе постираю! Я тебе постираю! Девочки, обследование закончено! Вяжите её, как говорила вам!

Выватила из сумки верёвку, накинула на Ларису, крик, ор.

Сёстры схватили Ларису, связали, положили на листья.

ЛАРИСА. Вы что!? Вы что?!

НАТАЛЬЯ. Ничего. Мы подлечим и поедете. Мы добрые. Зорро санитаря приведёт. Сейчас, где этот алкашука. Купирование сделать надо. Купирование запоев на дому! У тебя глюки. Стирается она. Застирала уже всех. Всё замочит, повесит, оно льётся, всех соседей промочила. У тебя “белочка”? Белая горячка называется. Я знаю, у меня у самой такое было в прошлой жизни, крыша поехала, потому что я была в окружении Лещенко и

мне теперь нельзя пить типа того что. Митька, следи. И только пожалей её, Митька, развяжи! Знаешь, что сделаю? То-то. Я за Зорро пойду, потом в регистратуру, мне нельзя прогулы делать, у меня сидячий нерв болит, зараза! Это, девочки, от переселения душ такое происходит с нею - объясняю по-научному. Это когда-то её душа, значит, тут жила, может, собакой, потом пришла снова и идёт нестыковка кармы типа того что. Я вам, девочки, дам литературу по этой теме, если у вас будет свободное время - прочитаете.

Наталья и сёстры ушли. Лариса лежит, вертит головой, с простыни на неё капает вода.

ЛАРИСА. Всё будет хорошо, Ларочка, всё будет хорошо. Митя, развяжите меня, что же вы? Зачем вы мне делаете больно? Мне и так больно, Митя?

Митя встал перед нею на колени, руками разводит.

Пришла Наталья с Зорро. У Зорро ковёр под мышкой.

НАТАЛЬЯ. Иди, сторожи! Где твой санитар? Запился? Как придёт - чтоб сразу ей купирование! Укол и всё! *(Плачет.)* Зачем я, дура, письмо ей писала, можешь ты сказать? Перебаламутила всех. Толька с ней ехать собирался. Сейчас хоть дошло, что она - полчеловека, не жилец, так себе что-то типа того что. Орёт, чтоб увозил её отсюда. Орёт, что изнасиловал. Никто не насиловал, не ври. Сама к Тольке полезла. А он что, виноват, что ты в подвал его затащила? Сучка не захочет - у кобеля не вскочит. А ведь артистка, ой, какие они все негодные, я теперь и телик типа того что никогда не включу!

ЛАРИСА. Я актриса, отпустите меня!

НАТАЛЬЯ. А по подъездам у мусорных ведёр валялась не актриса?

ЛАРИСА. Кто валялся?

НАТАЛЬЯ. Да ты валялась вчера. Митька тебя домой принёс.

ЛАРИСА. Я не валялась, я ждала его. Я ждала Толю. Я сидела на полу. И уснула. Я хотела его увидеть первой. Я хочу его перевоспитать, научить говорить иначе, научить манерам, а он ударил меня! Он похож на того Толю, мне надо переделать его и мы будем жить иначе! Я выйду за него замуж, у нас будет уютный дом, мы будем жить как люди, мы будем ходить по гостям, у нас будут дети, у нас будет все с начала, пойдёт на лад, я буду играть роли, много ролей, слышите?

НАТАЛЬЯ. Вот ведь что водка делает с человеком. И спит в шляпе. Говорит: эта шляпа у меня какой-то "Сеновал" или "Самнаврал"! Зачем я пила в прошлой жизни? Она совсем слепая. Тольку с собой поставила рядом. У него девок покрасивше тебя знаешь, сколько? То-то, типа того что. Купирование надо. Артистка, эх! Да они все там по телику алкаши, поди, типа того что.

ЛАРИСА. Я вам не кукла из телевизора! Ненавижу вас, свиньи чёрные, пошляки, убийцы, всё растоптали, пустите, пустите, какой позор, Лариса Боровицкая связана бельевой верёвкой, пустите!!!!

НАТАЛЬЯ. Купирование запоев на дому. Где-то я читала объявление в газетке.

ЛАРИСА. Я сейчас ему всё расскажу, я ему глаза открою! Знаете, что Толя - не ваш сын, а?!

ЗОРРО. Знаю. Я вам ковёр принёс. Повесите там в театре, а?

ЛАРИСА. Ковёр, ковёр? И молчите, ей прощаете?! *(Лариса рыдает, бьётся на полу.)* У меня срыв, у меня сердечная недостаточность, где Алекс, позовите его! Объявите по городу! Пустите меня, я на место папы сяду, насобираю денег, мне надо уехать отсюда! Дайте глоток выпить, мне успокоиться надо!

НАТАЛЬЯ. Следите за ней, не выпускать её. И молчи ты, слышишь? Митька на учёте в милиции, ему нельзя светиться, придёт милиция, скажет, что тут шум, и заберут его снова. У него до первого привода всё.

ЛАРИСА. Глупая я, приехала, собралась эксгумацию, хотела культуры принести в этот город, хотела концерты! Какие концерты, дура?! Для маминой эксгумации! Приехала к народу! Это разве народ тут?! Алкашня!

НАТАЛЬЯ. Мы такие и сякие. Трясётся, похмелье выходит. Не выпускать её.

ЗОРРО. Надо её и ковёр загрузить в поезд да отправить, пусть едут.

НАТАЛЬЯ. Ага. А она раз присосалась так тут к Тольке, снова заявится и что я тогда? Тебе-то - по барабану.

К дому подъехал Толя на мотоцикле, пошёл в подъезд.

Нет, ты не надёжный, иди отсюда. Толька приехал. Пусть сторожит он. Ковёр зачем таскаешь? Видишь покупательницу? Мой ковёр, гляди!

ЗОРРО. Мой. Сяду на него и полечу на небо. Меня эти обстоятельства твои формажорные додолбали. Надоели вы мне все, говнемётов выставка, все. Вот смотрю на тебя, к примеру, и думаю: морда же у тебя.

НАТАЛЬЯ. Чего? Какая морда?

ЗОРРО. С такой мордой только паровозы останавливать. Будто тебя чайником по лицу били. Дура ты. Вдруг увидел - какая ты дура, а? Сколько тебе лет, а?

НАТАЛЬЯ. Мне? Отстань. Сто, типа того что.

ЗОРРО. Триста с лихуем тебе. У тебя морда опухлая. Прямо Бармалейка ты.

НАТАЛЬЯ. Опухнешь тут! От слёз. Плачу и плачу.

ЗОРРО. От слёз. Нажралась вчера. Пьёшь втихомолку, окружение ты Лещенко.

В квартиру пришёл Толя, пьяный, шатается.

НАТАЛЬЯ. Вот, давай, занимайся ею. Толя, дитятко, ты выпимший? Сиди тут, я за врачами. Мы уже связали. Купировать. Пошла. *(Зорро)* А ты уйди!

Наталья и Зорро ушли. Осталась Лариса, Митя и Толя. Молчат.

ЛАРИСА. Митя, отпустите меня. Пожалуйста. Я актриса. Что же я таком положении. Будто в каком-то кино снимаюсь.

ТОЛЯ. Ага, кино. *(Смеётся.)* Ну ты, кусок прикола, безотказка? Лежишь?

ЛАРИСА. Митя, я ничего не вижу, пелена перед глазами.

ТОЛЯ. Трахни ты её, Митька, может она умней станет. А ты будешь хвастать, что с артистками пробовал. Слышь? Прикольно ведь! Там, на небе будешь ангелам рассказывать. Ты же всё мне песни про небо пел, когда я маленький был. Я ведь помню, ты разговаривал, не ври, что не умеешь. Я ведь тебе верил, что где-то другая жизнь, другие люди, думал - в телике. Смотрел в телик и думал: в телике так, как Митька рассказывает, там - небо, за стеклом в телевизоре. И вот ты теперь видишь вот это небо? А танцевать горазды, врать! *(Хохочет.)*

ЛАРИСА. Что он говорит? Я не хочу, развяжите, пожалуйста.

ТОЛЯ. Никто не хочет. А куда ты денешься, когда разденешься. У вас такая профессия - горизонтальная. Я пацанов позвал, мы её в подвал сводим, пацаны сильно заинтересовались. *(Смеётся.)* Кайф давить таких за враньё, кожу снимать, сукам. Сидят там в Москве, заняли места, паскуды, убивать всех надо медленно, нас задавили, врут и врут!

ЛАРИСА. Я ничего не вижу, темно.

ТОЛЯ. Ай, ой, строит из себя Клару Целкин! Нет, ну откуда взялось такое чудо-юдо у нас в колхозе? В мохнатом платье, орет, мышка-норушка какая. Трахни её, папанхен. Чего ты смотришь? Прикольно ведь?

ЛАРИСА. Что он говорит?

ТОЛЯ. Трахнуть ему тебя надо, вот что я тебя говорю! Он бедный, несчастный. Ему трахаться надо. Не хочешь? А со мной хотела? Молоденьких только любишь? Ишь какие артистки, молоденьких только им! Э, папанхен, ну? Может, ты и правда, жопником сделался в тюрьме? Ты баба, не мужик, всё только руками разводить умеешь, шептать чешую разную мне на ухо, врёт, играет в добренького, а сам - тварюга ты, тварюга, я вам, тварюгам, верил, верил, и она такая, и ты!!!!

Митя подошёл к Толе, бьёт его. Потом открывает дверь, выкидывает Толю на лестничную площадку. Тот катится по лестнице кубарем, кричит:

Ты на кого руку поднял, гнида?! Сволочь, сука! Марабу плоскостопный! Решил кого охранять, кого, эту суку, она сука, она мне песни пела, что она такая рассякая, я уши развесил, а ты решил охранять, решил что она у тебя жить будет? погоди, тварь, я бензину принесу, подожгу вас, выкурю, Жулик, ко мне, тварюга, охраняй! Я сейчас привезу психушку вам, вам всем всадят шприцев, гады!!! Пойдите!! Психушку, пожарку, ментовку - всех вызову!!!

Толя кричит ещё что-то, размазывает кровь на лице, сел на мотоцикл, уехал.

Митя развязал руки Ларисе.

ЛАРИСА. Спасибо. Вы спасли меня. Дайте мне выпить. Немного. Чуть-чуть. Пожалуйста. Нервный срыв. Дайте.

Он подал ей стакан. Она выпила. Легла, свернулась на полу калачиком, не двигается.

(Смеётся.) Он не герой моего романа, нет. Как жалко. Что он тут такое говорил? Странно. Вы не боитесь? Он вернётся? За что он меня так? Что я сделала ему плохого? Разве можно меня обижать? За что меня можно обижать? Хотя он не виноват. Зомбирование мамочки. Она делает из него романтического героя, живущего на краю гибели, потому что ей так хочется. Ей скучно. Ничего не выйдет. Он человек с убитыми чувствами. Из таких получаются хорошие убийцы, наёмные солдаты и прочая гадость. А ведь я могла бы перевоспитать его. Но зомбирование ежедневное сильнее меня. Холодные глаза. Ничего не выйдет. Стул, стол, дерево теплее, нежнее и человечнее.

МОЛЧАНИЕ.

(Легла в листья, закопалась в них.) Я придумала. Я выйду за вас, Митя, замуж и буду тут жить вечно. Мы всё время будем молчать. Я никогда не была замужем. Новый статус - замужняя жена. Сыграем свадьбу. Вы будете учитель в школе, а я учительница. Да, учитель. В школе глухонемых. Так ведь? Или нет, я возьму вас в Москву и вы будете переводить для глухонемых по центральному телевидению новости и прочие передачи. Правильно! *(Смеётся.)* Так что, Алекс может не приезжать - я всё равно останусь тут. Тут могилы. Любовь к отеческим гробам.

МОЛЧАНИЕ.

Какой вы хороший, Митечка. Как хорошо, когда другой человек молчит, но ты понимаешь, что он понимает. Странно, что вы добры ко мне. Именно тот, кому больше всех досталось в жизни, оказался добр ко мне, падшей. Мне сегодня приснился бредовый сон: будто в чемоданчике мамином, ну, не мамином, а в этом чемоданчике, в котором была разгадка, живёт маленький негритёнок. Я его открываю, ночью, а он оттуда выскакивает, как он сложился там, пальчиком погрозил, ножиком на меня замахивается, а я плачу, прошу его: "Не надо!"...

Молчит, улыбается, смотрит на профиль на стене.

Лицо. Лицо Тутанхамона на египетской пирамиде. Вечное. Оно смотрит на меня, не мигая. Будто спрашивает: кто ты и что. Я должна отвечать ему. Милый, я - Любовь. Лариса. Любовь. Помните? У меня тут, в сердце, столько нежности, доброты, любви, столько всего много, приди и возьми, но я никому не нужна, не востребована. Заблудшая овечка. Снег, снег, туман, дождь, листья осенние летят, и по белой равнине идет, спотыкаясь и блея, бедная несчастная овечка, иду я. Моя родина, моя Россия, почему ты со мной так жестока, неласкова, ведь я люблю тебя? Я иду, и иду куда-то, ищу и ищу чего-то, снег мне глаза слепит, я не вижу ничего, шерсть моя свалаялась, я замёрзла, бедная глупая овечка, нет у меня хозяина, нет у меня любимого. Овечке нужен хозяин. *(Зарывается в листья.)* Жалко, что вы не умеете говорить. С кем бы поговорить, поспорить. У меня философское настроение. Все ушли, весь этот галдящий шумящий народ и мне захотелось с кем-то осмыслить это, поговорить об этом, посмотреть на это свысока, так сказать. Где же Толя. Ах, как хорошо стало! Не страшно стало. Тихо стало. Психотропное оружие, говорит Зорро, голоса в голове. Ах, милый! Голоса в голове не от психотропного оружия, нет. От другого. Ну что же вы молчите? Вы же умеете говорить? Буду говорить вот с этим негром, с этим профилем, раз вы молчите.

Легла на пол, повернула голову к стене, говорит негромко.

Как хорошо сразу стало, как будто я маленькая у папы на руках, и от него так хорошо пахнет, бензином, в машине у него пахло всегда бензином... Вы, Митя, тоже вымойтесь, от вас будет хорошо пахнуть. Впрочем, не слушайте меня, не надо. Хотите, я научу вас говорить? О, я многое умею! Не верите? Я умею убеждать. И камни заговорят. Я актриса. Я выхожу на сцену, зал переполнен, зал купается, счастлив меня видеть, радуется мне. Вот я читаю монолог... *(Поднимает и опускает руки.)* Люди, львы, орлы и куропатки. Молчаливые рыбы, словом все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли...

МОЛЧАНИЕ.

Ты понимаешь меня, правда? Я научу тебя говорить. Вот скажи: люди.

МОЛЧАНИЕ.

Скажи: львы.

МОЛЧАНИЕ.

Скажи: куропатки.

МОЛЧАНИЕ.

Скажи: звёзды. Ма-ма. Па-па. А теперь скажи: моя Родина Россия. *(Митя молчит.)* Вот, вот, уже получается! Вдруг подумала: а кто были они, эти, которые умерли? Мои мама и папа, так сказать? Странные люди, да? Он и она. Заблудились, шли и шли по России, вдруг пришли сюда, в этот дом, в этот город, к вам. И вдруг я упала, звезда, безымянная звезда. Почему у них в чемоданчике было это полотенце с петухами, эти тряпочки - и больше ничего. Вы не знаете, Митя? *(Пауза.)* Опять за окном шумы эти. Негр ходит, кран гудит, колокол в церкви звонит. *(Смотрит на профиль на стене.)* Хорошо как. Тепло. Спасибо. Спасибо, Митя. Пахнут листья замечательно. Детство. *(Она лежит на полу, руку под щеку засунув.)* Я хочу показать вам, какая я актриса. Чтобы вы поверили, что я удивительно талантлива, слышите? Мне надо, чтобы вы поверили! Да! Я сыграю вам наше прощание. Прощание будет в ближайшие дни. Я вам сыграю мою мечту, мою современницу! Да, да! Мечта всех актрис сыграть современницу! Итак, современница, которая приехала в маленький город и тут нашла что-то. Что-то важное. Да! Она разговорила вечно молчащего человека, научила немного говорить! Смотрите! Я играю!

Встала посреди комнаты за простыню, повешенной на бельевой верёвке. Отодвинула простынь, как занавес, прошла к балкону. Смотрит в окно.

Итак, она уезжала. Она пошла к трамвайному кольцу. Она пошла. Она - это я, вы понимаете, да? Итак - она. Смотрите внимательно, Митя.

Стоит у балкона, смотрит на трамвайное кольцо.

Толя приехал, поставил мотоцикл у дома, лёг между рельсами, закопался в листья.

(Говорит быстро, негромко, закрыв глаза.) Она взяла сумку с вещами, посмотрела на землю, на траву, примятую сумкой, поставила сумку в трамвае у окна и вдруг подумала в тысячный раз, что вся её жизнь - набор случайностей, глупостей, ненужностей, бессмысленной игры и даже вот эта поза, которую она приняла сейчас у окна в грязном трамвае уже была, была, была в каком-то фильме, она видела это, или это была её роль, сыгранная ею пошло, бездарно и глупо, ведь в жизни всё-всё иначе, чище, проще, не так выстроено, случайнее и от того красивее, и она уже хотела что-то сделать, повернуться иначе, посмотреть иначе, но не могла оторваться от окна, и подумала она: нет, это не роль, нет, я этого не играла, этого не было, неправда, хоть принимай красивую позу, хоть не принимай, это - жизнь, жизнь, жизнь, жизнь - застучали колёса трамвая.

МОЛЧАНИЕ.

Трамвай разогнался. Куда ты летишь, птица-тройка, куда ты, трамвайчик, трамвайчик сумасшедший, куда гонишь, куда колотишься, чего стучишь под окнами, чего гудишь, куда, куда?! - думала она. Трамвай разогнался, и на повороте у дома Мити её качнуло, она уцепилась за поручни крепче, трамвай пролетел, проскочил мимо окон Митиной квартиры, но она увидела, успела увидеть их всех на балконе: глупое лицо Натальи со слезами на глазах, как всегда плакала; руку Зорро, поднятую вверх, будто он сказать хотел: "Да за что мне муки такие, нет, нам всем, эх!", а может, он просто помахать хотел на прощание, как всегда в своём усердном угождении каждому и всем - свойство маленького человека, помахать, как и положено по-русски; у Зорро пиджак клетчатый с чужого плеча; но главное, что она увидела, главное - Митя, глухонемой Митя, тот, кому она так много всего рассказала и который никому ничего не расскажет уже, стоял, смотрел на неё и удивлялся будто тому, за что она не любит и его, и их всех, и что она уезжает навсегда и никогда не вернётся уже; потом в поезде, застилая постель, она всё повторяла слова: "Алёша Горшок удивился чему-то и помер", и снова, и снова в такт вагонным колёсам - "Алёша Горшок удивился чему-то и помер", "Алёша Горшок удивился чему-то и помер"; но это было потом, а тогда через стекло трамвайное она увидела, как смотрел Митя на трамвай, будто в первый раз видел, что так, не боясь, водитель на повороте гонит трамвай; ей показалось, что и Толя стоит в глубине комнаты, в полумраке, тот Толя, её Толя, бедный Толя, раздавленный машиной, откуда он тут, он не мог быть там, она ещё подумала: "Их так много на балконе, а вдруг балкон обвалится?" - да, Толя, стоит и улыбается как тогда в гробу он лежал с удивлённой улыбкой, всё хорошо, Ларочка, говорил он ей, всё будет хорошо, хорошо, хорошо; что он узнал, от чего он удивился, почему Толя, доля, горя, воля; другой Толя лежал сейчас, наверное, под трамваем, в листьях, лежал и плакал, почему-то плакал, ей казалось, что ему стыдно и он плачет, грязные слёзы размазывает...

МОЛЧАНИЕ.

Но всё исчезло, вдруг исчез этот дом и эти люди. Трамвай катил, стучал. Мелькало другое за окнами. Другие окна, другие люди, новостройки. Ей казалось, будто весь город стоял у окон и провожал её взглядами, оторвавшись на секунду от забот от своих важных-преважных. И тогда, тогда она громко, на весь трамвай, спросила у кого-то -

Всевышнего ли, у себя, у тех, кто в трамвае ехал - спросила: "Господи?! Да за что же я их так, бедных, ненавижу, за что?!"...

МОЛЧАНИЕ.

Лариса тряхнула головой. Шляпку поправила. Улыбнулась Мите. Куснула ноготь на пальце.

Вот, Митенька, видите, нашло что-то. Что-то дрожу я. Холодно. Мокрые простыни. Глупая я. Что-то нашло на меня такое странное, будто не я, а кто-то другой моим голосом говорил. Лариса Бэ и Митя Шэ. Хоть так, хоть эдак, выходит, что Лариса - не любовь, а Лариса выходит - "бэ". Стойте, Митя, стойте, милый. Подойдите ко мне, милый. Снимите рубашку. Так. Хорошо. Я поцелую вас. Я только поцелую вас. На прощание.

Молчат, стоят друг против друга, Лариса гладит Митю.

Сверху по лестнице в подъезде спускается пьяный САНИТАР. Он в белом халате, в маске свиньи. Орёт что-то, колотит в дверь ногою.

Я выйду. Стойте. Я сейчас. Я открою. Кто-то пришёл. За мной. Нет, я спрячусь. Мы никого не ждём. Я открою. Я скоро приду. Я буду играть Анну Каренину и мне надо проверить, что такое, когда на тебя наезжает паровоз, полный рогатых черных свиней, похрюкивающих, мне надо проверить, секунду...

Выскочила в подъезд, оттолкнула Санитара, кинулась на улицу, легла между трамвайных рельс рядом с Толей, забросала себя сверху листьями.

Трамвай летит над ними, искры сыпятся.

Темно стало. Ночь. Облака белые по тёмному небу плывут. Звёзды падают. Тихо на земле.

Темнота.

ВЕЧЕР

Та же квартира. На следующий день. Сидят Наталья, Зорро, Митя, Лариса.

Листья осыпаются с деревьев. Трамваи мимо окон проезжают. За стенкой справа воет собака. Сверху громко кричит телевизор. Кран на стройке работает, что-то поднимает и опускает. "О" на магазине перестала мигать.

ЛАРИСА. Вы должны понять. Я похоронила друга. Родители мои неизвестно где. Простите. Недельку пробыла - хватит, не останавливайте меня. Тут такое радио у вас, беленькое с черненьким, как у нас в театре, и я всё время почему-то жду, что сейчас, сейчас скажут: "Госпожа Боровицкая, на сцену!"

НАТАЛЬЯ. Вот беда-то с Толькой, вот беда. Пропал. Жулик дома, воет сидит. А он где? Нету.

ЛАРИСА. А кто это? Не помню.

НАТАЛЬЯ. Как не помню?

ЛАРИСА. Я сегодня в подъезде на полу нашла испанскую монетку - сегодня мне будет испанское счастье, с фиестой и испанскими страстями, с поцелуями и розами, а закончится корридой, где убитым быком стану я - закланный телец. Нет, это монетка неизвестной страны. Блестящее, но дешёвое, но красивое, но счастье, счастье, счастье... Найду на улицу денежку и давай глазами рыскать: дай ещё счастья. А потом уже столько валяется, что не знаешь, куда девать и говоришь: не надо мне, я пошутила. Мышь, нет, таракан бежит по сантиметру земли и ждет счастья, попадаете ей на глаза кусок непереваренного дерьма, и она начинает его жрать и говорить: ах, какое мне счастье привалило, какое счастье, и не поднимает глаза к небу, к звездам, чтобы не ощутить свою ничтожность. Это я.

НАТАЛЬЯ. Ну всё, опять за рыбу деньги, едите уже, силы нету, мы же вас купировали, всех вокруг купировали, санитаров даже купировали, на трезвую голову вам говорю: едите.

ЛАРИСА. Помните, я рассказывала вам про того мальчика, что всегда говорил: всё будет хорошо, Ларочка, всё будет хорошо. Я его любила очень и приворожила его: на этикетках его одежды, на груди, написала своё имя, чтоб слово “Лариса” всё время прижималось бы к его сердцу. Он умер, его вещи, мне сказали, надо было срочно раздать, чтобы скорее Толю забыть. Я раздала. Зачем - не знаю. Ведь не забыла же. К кому теперь прижимается моё имя на этикетке, к чьёму сердцу, вот интересно узнать.

НАТАЛЬЯ. Зорро, ты чего сегодня такой молчаливый? Про Тольку думаешь? Приедет. Что молчишь? Как жизнь?

ЗОРРО. По ГОСТу.

НАТАЛЬЯ. Расскажи что-нибудь, ой, беда, беда.

ЗОРРО. Что?

НАТАЛЬЯ. Война в Афганистане в восемьдесят втором ведь началась, нет?

ЗОРРО. В восемьдесят втором.

НАТАЛЬЯ. Не плачь, дурак, а то я тоже. Скажи что-нибудь, что молчишь?

ЗОРРО. Думаю.

НАТАЛЬЯ. Думает он. И молчит. Про что думаешь?

ЗОРРО. Про тебя думаю, что ты доставалово.

НАТАЛЬЯ. Ой, беда, какая беда, а? *(Пауза.)* Дура я, в детстве в техничку всё играла. Выхожу, вычищу всё и матери говорила: буду я уборщицей, техничкой. Вот и стала техничкой почти что типа того что - регистраторшей. Надо было в артистки играть, сейчас бы жила как в масле, в платье мохнатом ходила бы. Ведь ходила в кино, смотрела, нравились мне артистки, а вот стать артисткой не хотела, дура. А ты во что играл в детстве?

ЗОРРО. В трамвай. Сяду в мамкину швейную машину, в “Зингер”, на педаль и играю, еду, звоню, искры летят.

НАТАЛЬЯ. Ну вот и вышел из тебя трамвай. Противный ты какой, как пить перестаёшь. Начал бы снова. Лучше, когда ты вечно под банкой. Война в каком началась?

ЗОРРО. В восемьдесят втором. Отстань.

НАТАЛЬЯ. Ну скажи хоть что-нибудь про обстоятельства типа того что.

ЗОРРО. Про какие я говорю?

НАТАЛЬЯ. Ну про какие-то такие с форсом типа того что.

Трамвай летит мимо дома, грохочет.

Мне сегодня на голову птичка какнула, воробей. Говорят - к счастью. А где вот оно? Жмёт что-то под зубами и всё.

ЗОРРО. Зубы жмут тебе.

ЛАРИСА. *(Вдруг.)* У вас будет очень много счастья. Не сомневаюсь. Ждите. А где эти две сестры? Татарочки?

НАТАЛЬЯ. Евреечки?

ЛАРИСА. Или евреечки ли. Где они? Они с усами были.

НАТАЛЬЯ. Да я же вам и говорю, что еврейки-то наши что учудили. А еврейки наши вот в Израиле ходят. Собрались в один час и - фьють. Молчали, не говорили, что документы оформили. Уехали наши усатые. Дуры дурами, а в Израиль смотали. Вот жида проклятые, а как конспирировались тут под русских людей типа того что. Кормила их, поила, а они? Бросили нас. Вот теперь нам будут беды так беды, теперь-то начнутся происки жидомасонские с переселением душ. Вот уже и Толька куда-то пропал. А ведь дуры дурами, а вчера отчалили. Сейчас в самолёте летят, водку пьют, обжираются от радости, что из России улетають типа того что, сучки. А ведь такие были хорошие, пирогом

меня угощали. Может, Только моего позовут, приглашение сделают, чтоб он мир посмотрел. Может, он с ними уехал? Как вы думаете? Вот вам: дуры дурами, а в Израиле теперь будут. А мы куда?

ЗОРРО. Сказала мать, бывает всё, сынок. Быть может ты устанешь от дорог.

НАТАЛЬЯ. А?

ЗОРРО. Когда домой придёшь в конце пути, свои ладони в Волгу опусти.

НАТАЛЬЯ. Ты к чему это?

ЗОРРО. Парни, парни, это в наших силах, землю от пожара уберечь! Выпьем же за дружбу, за улыбку милых и за нежность встреч!!!

НАТАЛЬЯ. Чё к чему, не знаю. Никаких выпивок, хватит. Другую спой. В глухой ложбине он увидел волка, верней, волчицу, а точнее - мать! Или эту: "Первым делом мы испортим самолеты, ну, а девушек, а девушек потом." Вот так, девушки-то наши. Уехали в Израиль. А вы говорите: "Переселение душ". Какое на хрен переселение душ. Переселение евреев, вот что именно типа того что.

В церкви колокол зазвонил.

ЛАРИСА. Сегодня сорок седьмой день, как нету Толи. Сорок семь дней я одна на белом свете.

НАТАЛЬЯ. Ой, беда, неужели я тоже буду так говорить скоро: сорок дней, как Толи нету типа того что? А? Ой, беда.

ЛАРИСА. Нет, у меня где-то мама и папа ещё. Где-то в далеком странном мире, в каком-то пригороде. Живы ли они? Сегодня 10 сентября, день рождения папы, он пошел на работу веселый и счастливый, все его поздравляют. А может, кто-то их приютил так же, как вы, если дочь неразумная не смогла позаботиться. Тут ходил, кажется, котёночек, где он?

НАТАЛЬЯ. Помер. Ханума ему пришла. Отнесла на помойку. У нас Жулик есть, хватит. Отнесла, похоронила и сверху крестик типа того что поставила.

ЛАРИСА. Да что это у вас такое, помирают все. Только и занимаетесь, что похоронами, только хороните, на венки деньги собираете, крестики ставите. Напасть.

НАТАЛЬЯ. А вот так. Только успевай гробы типа того что сколачивать. Жизнь не ахти чтобы у нас. Да проживём. Только нельзя деньги в долларах держать. Мне сообщили экстрасенсы, что через два года вся Европа уйдёт под воду. Поэтому нельзя деньги в долларах держать. Только в рублях. Слышите? Так и делайте. Переселение душ.

ЛАРИСА. Ничего не вижу в потёмках, куриная слепота. *(Пауза.)* Разврат, распутство.

НАТАЛЬЯ. "Разврат, распутство" - говорит, и всё на меня смотрит. Злится, что мой Только её поматросил и бросил.

ЛАРИСА. Что?

НАТАЛЬЯ. Я говорю: что вы всё на меня смотрите, как про разврат говорите и распутство?

ЛАРИСА. Мне кажется, что я беременна? Может быть такое?

НАТАЛЬЯ. Ну если спали с кем - то может. Всё может быть. Раз в сто лет может и дырка свистнуть. Вы уж не молоденькая, правда. Вам сколько? Пийсят? Нет. Да и от кого. Жулик вот наш заболел, его к ветеринару потащили. Ветеринар говорит: "У собачки ложная беременность".

ЛАРИСА. У Жулика? О, Россия, проснись, очнись.

НАТАЛЬЯ. Проснись, очнись, мы застрахуем нашу жисть. Да при чём тут Россия, когда у Жулика ложная беременность?

Телефонный звонок, Лариса взяла трубку.

ЛАРИСА. Алё? *(Пауза.)* Пардон. Сори. Экскюз ми. *(Положила трубку, молчит, улыбается.)* Снова этот татарин, снова говорит: “Ассалам алейкюм.” Что я должна была ответить?

НАТАЛЬЯ. Да всё вы правильно сказали ему типа того что.

ЛАРИСА. Я ничего не вижу к вечеру. Куриная слепота. Лица ваши как в тумане. Но уже легче. Завтра сорок восьмой день, потом сорок девятый. Ничего. Спасибо, что подлечили. Мне было хорошо у вас. Я вас всех очень, очень люблю и жалею. Правда.

НАТАЛЬЯ. *(Плачет.)* Вы себя пожалейте типа того что, слышите?!

Налетел ветер, посыпались с деревьев на дом последние листья.

ЛАРИСА. У меня ощущение, что во мне что-то живёт такое. Сейчас должны позвонить и спросить: “Здесь Лариса?” И предложить мне огромную роль в огромном спектакле на огромной сцене, я в белом длинном платье, иду к авансцене, в прожекторе и говорю... О, я обязательно расскажу о вас. Народ. Русский народ, вы достойны того, чтобы о вас говорить со сцены, в прожекторе, в белом платье. Вы добры. Спасибо вам. И до свидания.

Встала, подошла к балкону. Улыбается.

Она взяла сумку с вещами, посмотрела на землю, на траву, примятую сумкой, поставила сумку в трамвае у окна и вдруг подумала в тысячный раз, что вся её жизнь - набор случайностей, глупостей, ненужностей, бессмысленной игры и даже вот эта поза, которую она приняла сейчас у окна в грязном трамвае уже была, была, была в каком-то фильме, она видела это...

МОЛЧАНИЕ.

Ну, идёте, что ли, мои соотечественники. И выше голову. Шире шаг, почтальон. Пошли, не кисните, надо идти, куда-то делать что-то. Хотя дураки мы, хоть не дураки, надо жить, живые пока. Живые ведь мы пока.

Встала у кучи с листьями, тронула её ногой.

Прощай, куча. Листья, прощайте. *(Пауза.)* Пошли. Все пошли.

Все встали, пошли к выходу.

НАТАЛЬЯ. Что и правда уезжаете, что ли? Может, дождётесь Тольку? Он приедет, поди, скоро? Или, вы думаете, не приедет? Уедете, что ли?

ЛАРИСА. А вы что думали - останусь?

НАТАЛЬЯ. Да поживите ещё. Куда вы торопитесь. На нас обиделись? Мы же не со зла. Да мы, вообще-то, ничего плохого вам не сделали, нет?

ЗОРРО. А правда, останьтесь? Вот тут комната эта теперь свободна, а чего? Останьтесь? Мы не такие плохие, мы договоримся, будем жить, что-то будет, а?

ЛАРИСА. Нет. Спасибо. Пошли, всё. Митя, скажи мне что-нибудь на прощание?

МИТЯ. *(Улыбается, говорит негромко, с трудом.)* Ра-ри-са. Рю-бовь.

МОЛЧАНИЕ.

ЛАРИСА. *(Улыбнулась.)* Молчит Митя. Ну, поехала я.

НАТАЛЬЯ. Что, она правда уезжает, что ли?

ЛАРИСА. Пошли.

ЗОРРО. А мы чего-то как-то подумали, вы с нами насовсем останетесь. Как родная стали. Оставайтесь? Вот комната, а? Честное слово. Ну, а ковёр-то, ковёр-то тогда, раз едете? *(Сунул Ларисе под мышку ковёр.)* Для вашего театра. Подарок от Зорро. С Наполеоном. Он как живой. Пригодится. Повесите там, у себя на небе.

ЛАРИСА. Спасибо. Повесим. Обязательно.

Вышли всей группой вместе, будто гроб несут, кучкой вышли из подъезда, прижимаясь друг к другу, будто понесли Ларису.

Посмотрели хором на небо, потом в землю.

Мужчина с помойным ведром вышел, смотрит на Ларису.

МУЖЧИНА. Здрасьте. А я вас видел. В кино. Маленький ходил с отцом в кино и видел вас. И так сильно любил и мечтал встретиться. Я даже письмо вам писал. Не получали? Про то, что вы - небожительница такая, красавица.

ЛАРИСА. Письмо? Нет, не получала. А вы кто? Кто вы?

МУЖЧИНА. Я? Наладчик. Тут - наладчик.

ЛАРИСА. Наладчик? Как хорошо, что наладчик. Вы, наверное, тот, который сказал: “Вы обо мне ещё услышите!”? Да? Вот и правда, услышала. Надо же, наладчик. Вы, пожалуйста, вот что... Вы наладьте тут всё хорошенько, ладно? Может быть, у вас получится? До свидания вам и всем. Наладьте, да?

МУЖЧИНА. Ну ладно, раз просите.

Лариса встала у крыльца магазина, сняла со шляпки цветок, оторвала его нервно, положила, улыбнулась виновато.

ЛАРИСА. Папе. Бедному папочке. Будто он инкассатор, которого на этом месте у магазина расстреляли и теперь тут будут лежать на этом месте эти цветочки. Пока не пройдет негр странный чёрный и не заберёт это. Чёрный-чёрный негритос, он полез на паровоз. Именно так. Где страна, где старики и старухи живут долго, не знаете? Есть, наверное где-то.

Налетел ветер на старый тополь, с него посыпались листья на Ларису и на провожающих её. Лариса улыбается, руки подставила под листья.

Будто на сцене. И рабочий сверху не рассчитал и вывалил целый короб приготовленных листьев на нас. И сидит, боится, что теперь его ругать будут. Эй! Милый! Не будут! Правильно сделал, что вывалил сразу всё, не дожидаясь чего-то там. Нечего уже ждать, нечего и некому. Всё правильно, не бойся! Наверное, это я - как осенний лист, сорванный с дерева, свалилась и полетела, падаю на землю с неба. Пожила на небе - и хватит. Молчу. Слишком красиво. Друг Аркадий - не говори так красиво. Кто сказал это? Я сказала. Лечу, падаю, кружусь.

Помолчали и все вместе в ногу пошли к трамвайному кольцу. Лариса остановилась.

Всё. Ну вы идите домой, идите. Я не люблю, когда меня провожают. А то как у Верди. Будто я долго, мучительно умираю. Как у Верди. У Верди всегда долго умирают героини. Правда, я не оперная, а драматическая актриса. Но всё равно. Почему у Верди в операх всегда все долго умирают? Не знаю. Но я ведь не умираю. Просто вы меня долго провожаете. А я буду жить. Всё будет хорошо, Ларочка, всё будет хорошо. Я буду жить долго. Очень долго. И ещё много сыграю. Не бойтесь, я уже в порядке. Правда, я беременна. Ну, что ж. В порядке. Я сяду в трамвай и доеду. Идите. Я на стекле напишу вам прощальную речь. Смотрите внимательно. На стекле трамвая. Идите. Я хочу, чтобы было красиво. Идите.

Смотрит на них, они разворачиваются, идут в ногу, к подъезду, вошли в квартиру, встали на балконе.

А она пошла к остановке.

Прогрохотал трамвай, приехал. Двери раскрыл. Негр вбежал в первую дверь, сел у окна. Лариса не видит его. Придерживая одной рукой живот, она вошла в трамвай, поставила чемодан у окна. Подышала на стекло и пальцем на стекле написала:

“ЛАРИСА. ЛЮБОВЬ.”

Трамвай звякнул, поехал.

Она смотрела в окно, увидела всех их, стоявших на балконе и подумала...

Что-то такое она подумала.

Что-то промелькнуло в её голове на секунду, какая-то страшно важная мысль, но так быстро стало мелькать другое за окнами, что она сразу забыла это и стала думать о Москве, о том, что будет...

Что-то будет.

“Что-то будет, - думала она, - неважно что. Что-то будет. Жить-то надо как-то. Вот и будет что-то. Будет день - будет и пища. Что-то всё равно будет. Будет.”

Что-то будет.

*ТЕМНОТА
ЗАНАВЕС*

КОНЕЦ

*город Екатеринбург
декабрь 1996 года*